

МАРИНА КОМАРОВА

ИДДК

Я у мамы зельевар

Марина Комарова

Я у мамы зельевар. Книга 1

«ИДДК»

2023

Комарова М. С.

Я у мамы зельевар. Книга 1 / М. С. Комарова — «ИДДК»,
2023 — (Я у мамы зельевар)

Жила себе, никого не трогала, зелья варила. А тут внезапно претендент на мою лавку, жаждущий меня выместить подальше. Но я не собираюсь сдаваться! Возьму в помощь боевого красавца-артефактора, говорящий горшок и ехидного кота-фамильяра. И пусть кто-то остановит ведьму из рода Торба!

© Комарова М. С., 2023

© ИДДК, 2023

Содержание

Глава 1. Трудности зельварческого дела	6
Глава 2. Кто ходит ночью по гостям	10
Глава 3. Говорящий горшок	17
Глава 4. Куда идём мы с некромантом?	24
Глава 5. Картина Греспинса «Не ждали»	31
Глава 6. Дела артефакторские	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марина Комарова

Я у мамы зельевар. Книга 1

© Комарова Марина

© ИДДК

Содержание цикла "Я у мамы зельевар":

Книга 1. Я у мамы зельевар

Книга 2. Держись, столица!

Глава 1. Трудности зельеварческого дела

– Вы заплатите! Это так не пройдёт!

Я упёрла руки в боки:

– Пан Дудоля, я арендную лавку на законных основаниях, договор могу показать хоть сейчас!

– Я докажу, что вы меня обманули! Ваш договор – липа!

Он погрозил кулаком с зажатым платком в горошек.

День выдался жарким. И без того напоминающий шарик на ножках пан Дудоля сиял лысиной на солнце так, что зажмуриться было бы не лишним.

Но я не собиралась отступать:

– Пишите претензию и подавайте в магистрат, тогда и поговорим.

– Я и написал! – Он подскочил ко мне, на ходу вытягивая какую-то бумагу из портфельчика. – Вот вам копи...

И так и замер, уставившись на мою грудь, не в силах что-то произнести. Вырез блузки из прекрасного латрийского шёлка не позволял думать о чём-то ещё.

– Глаза выше, – подсказала я.

– Ну, знаете, панна Торба! Это ни в какие рамки! Вы тут не... это! Не удивлюсь, что вы тут ещё и занимаетесь чем-то... этаким... блудливым!

В этот момент за моей спиной распахнулась дверь лавки, и оттуда со свистом вылетел жёлто-коричневый вихрь, накидываясь на пана Дудолю.

– А-а-а! – завопил он, улепётывая со всех ног. – Спасите!

– Жужа! – заорала я и рванула следом. – Жужанна, вернись!

При беге длинная юбка с особой игривостью путалась в ногах, поэтому я проклинала всё на свете, пытаясь не отставать.

Послала же Златовласая бойцовую метлу! Характер – бр-р-р! Мужиков на дух не переносит, особенно таких, как Дудоля.

Оба скрылись за пригорком, пронзительные визги сменились злобным попискиванием, а потом и вовсе стихли.

Я остановилась и опёрлась руками чуть выше колен, пытаюсь отдышаться.

Через несколько минут в поле зрения показалась Жужа, грациозно паря в воздухе.

Ну что с ней делать? Ведь отличная ведьминская метла с солидной родословной. Я её купила на Ярмарке Большого Дуба год назад во время народных гуляний.

– Кто ты после этого, а? – спросила хулиганку. – Тяжба с лавкой – это одно, а вот побои...

Жужа смущённо шаркнула по дорожке, ну прям ни дать ни взять – невинное дитя, которое оклеветали.

– Смотри мне, а то ещё изымут.

Жужа покачала в разные стороны черенком, словно давая понять: «Не изымут!». Подхватив её под мышку, я направилась в лавку. Зашла внутрь и шумно выдохнула. Так, надо тут навести порядок.

Небольшое, но очень уютное помещение. Шкафчики, тумбочки, полочки, уставленные множеством разноцветных пузырьков и скляночек. В стене, что напротив входа, удобная выемка, куда я пристроила чугунок для варки зелий. С потолочных балок свисали пучки трав и мелкоцвета, которые насобирала за прошлый месяц и оставила сушиться.

Светляковые шары парили над балками, рассеивая золотистый свет по всей лавке. Из распахнутого окна доносились ароматы трав и пение птиц. Замечательное местечко, которое всем хорошо, кроме... пана Дудоли.

Я поморщилась. Дело в том, что он претендовал на лавку и никак не мог решить этот спор с хозяином, сдавшим помещение мне в аренду. Год и месяц было всё в порядке, а потом появился пан Дудоля.

В окне нарисовался здоровенный чёрный котяра и принялся намыывать усы.

– Что я пропустил? – поинтересовался он, с любопытством покосившись на Жужу.

Та прутиком пыталась стащить зелёную ленту из приоткрытого ящика стола – украшения любит до жути.

Оно, конечно, ясно: куда приятнее, когда тебя лупит нарядная метла, а не неряшливая. Другой вопрос, что тебя лупит метла...

Я откинула волосы назад. Надо бы переплести косу, а то вся растрепалась. Волосы у меня хорошие, густые, длиной до талии, рыжие-рыжие, как песок на берегу Дзинтарова моря, где находят янтарь. Достались от бабули, та тоже была такая же рыжая бесстыжая с усыпанным веснушками курносым носом.

– Муррис, ты пропустил, как Жужа отходила пана Дудолю, – сообщила я, подходя к зеркалу и беря расчёску.

– Пр-р-равильно сделала, – одобрил кот, и метла довольно зашуршала.

Муррис – мой фамилляр, совершенно очаровательный котище с огромными жёлтыми глазами. Много говорит, много ест, мало воспитывает. Для совершеннолетней девицы с дипломом об окончании Латрийской академии магии и большими планами на будущее – бесценное приобретение.

Мои ведьмовские способности оценивались как «средние с претензией», но меня вполне устраивало. Вместе с мозгами и руками, которые растут из нужного места, этого достаточно.

Стоило получить документ, где значилось, что я «специалист по зельеварению», и сумму поощрения на открытие своего дела, как я чётко поняла, как именно буду строить его. Сумма была небольшая, но хорошая. Потому что моя. Потому что – честно заслуженная. Пока кто-то списывал у соседок и бегал в город на свидания, стараясь поправить семейное положение посредством брака с богатенькими сыновьями торговцев и служащих магистрата, я усердно грызла гранит науки. Нагрызла на окончание с золотой корочкой и счёт в Зелёном банке.

Узнав об этом, матушка всплеснула руками со словами: «Счастье есть!» – и быстро собрала мой походный сундук. С её точки зрения, совершеннолетнее половозрелое дитя должно бодро отпочковаться от родительского дома и пустить корни в подходящем месте. Во-первых, так быстрее поймёт, сколько ей стоило поставить дитя на ноги; во-вторых, прекрасная возможность расширения дела, в-третьих... По законам Латрии в городке с населением менее ста тысяч человек может быть не более одной ведьмы-зельевара.

Особенно если у этой ведьмы фамилия Торба.

Прекрасная фамилия, древний род, но вот значение двусмысленное. Очень полезное для тех, кто к нам с добром, и упаси Златовласая тех, кто точит на нас зуб.

Поэтому, расцеловав матушку в обе щёки, я погрузила сундук на повозку и отправилась на покорение новых вершин. Поначалу немного послонялась по пышной столице, очень быстро сообразив, что сбережений и денег академии ни на что не хватит. Успела даже повесить нос, но тут Златовласая дала судьбоносного пинка, и мне встретился Муррис. Именно он и привёл в столичный пригород с забавным названием Ельняс (елей тут и правда тьма-тьмушая), где сдавалась в аренду эта замечательная лавочка.

Она мне подходила по размеру, по деньгам, по расположению. Справа находилась аптекарня, где без зелий никак, слева – школа физической подготовки. Что туда, что туда всегда нужны лекарства да настои. В первом случае – лечить от всего, во втором – восстанавливать силы. А раз школа мужская... то и на прилавке всегда должны быть зелья для усиления прелести, притягательности и обворожительности. Да-да, именно так. Только, разумеется, не для мужчин, а для дам, которые хотят очаровать кавалеров.

А это значит, что постоянный поток клиентуры в этом месте мне обеспечен. Поэтому, недолго раздумывая, я подписала договор на аренду с паном Орбасом, и мы ударили по рукам.

Орбас, сухой и подтянутый мужчина сорока лет с длинными каштановыми волосами, производил впечатление человека не от мира сего, которому больше подходят книга, перо и конь, а не пропылённая лавочка, где в каждом углу сидит по пауку, говорящему: «Бе-бе-бе!»

Через пару недель он, кстати, сообщил, что уезжает в странствия, а оплачивать всё я могу в Зелёном банке, что несказанно порадовало: подальше от арендодателя – поближе к прибыли.

Переплетя косу, я шумно выдохнула, стёрла со щёк желтоватую пыльцу – перед приходом Дудоли варила зелье с фейскими ингредиентами.

– Муррис, как думаешь, можно ли тут заниматься чем-то блудливым? – спросила я, припомнив слова Дудоли.

За спиной раздалось чавканье. Зуб даю, несносный кот стоял на задних лапах и что-то с аппетитом лопал из казанка. Казанок маленький такой, для еды. Висит за тем, в котором всегда варю зелья.

– Ф каком шмышле? – уточнил он, не прекращая чавкать.

– В прямом. – Я обернулась и посмотрела на него. – Ничего в голову не приходит, но это ляпнул Дудоля. Вдруг он решит как-то это подать в претензии?

Муррис даже забыл про вымазанную в соусе морду, округлил глаза, уставившись на меня.

– Ядвига, во имя всех кошачьих богов! Ты у нас, конечно, девица что надо: рыжие кудри, очи с ведьмовской прозеленью, стать на зависть, рельеф... привлекающий внимание мужчин. Два рельефа.

Я фыркнула. Фамильяр-поэт? Это что-то новенькое.

– Но этого недостаточно, чтобы в чём-то обвинить, – заявил Муррис, опускаясь на четыре лапы.

Я прихватила со стола тряпку и подошла к нему.

– Этот Дудоля – просто толстый мерзкий мужичонка, – припечатал он и тут же заворчал, стоило мне начать оттирать его морду от соуса. – Ничего он тебе не сделает. И вообще, поди, прицепился, потому что ты молода да хороша собой, а не ради лавки.

Жужа за моей спиной согласно шаркнула по полу, давая понять, что абсолютно согласна с котом. Я задумалась. Не то чтобы сильно хотелось возразить, просто... Противника надо встречать во всеоружии. Откуда я знаю, что ему придёт в голову?

Ещё бы как-то до Орбаса дотянуться – было бы вообще хорошо. Но я прилично раскошеливалась, отправляя уже третий листик-вестник, только ответа не было. Это начинало нервировать. Куда мог запропасться хозяин?

Думать о том, что он мне показал какие-то липовые документы, не хотелось. Съезжать из лавки – тоже. Только-только пошла торговля, люди поняли, что Ядвига Торба – это качественная продукция, и начали приносить свои деньги. Но и исключать худший исход не стоит.

Я вздохнула:

– Ладно, завтра выберусь в центр Ельняса, проконсультируюсь ещё раз насчет листиков, может быть, подберём что-то более скоростное. А сейчас доварю партию для лекарни.

– Вот были бы говорящие горшки, не потребовалось бы самой корпеть над этим, – резонно заметил Муррис. – Сколько раз предлагал тебе уделить посуде особое внимание. Но нет же, упираешься, как пятачок на мосту перед замком Чёрного рыцаря.

Пятачок – очень забавная зверушка, чью голову венчает корона из роговых наростов, на которых он легко поднимает всех, кто ему не по нраву. Поэтому лучше к нему не приближаться. И к мосту, и к замку, и к Чёрному рыцарю тоже. Не зря народная молва предупреждает.

Я достала из шкафа нужные склянки с зельями-составными.

– Слушай, ну не гончар я, не гончар. Могла бы – слепила. Но сам помнишь, чем закончилось это в прошлый раз.

Глава 2. Кто ходит ночью по гостям

Ночь уже опустилась на Ельняс, зажглись фонари и распахнулись двери мест, где готовы встретить с распростёртыми объятиями, на всю катушку наградив отдыхом после дневных забот.

Я любила это время, когда можно, позабыв про жару, выбраться в центр, перекинуться парой слов с уважаемыми горожанами, поболтать с коллегами по торговле и перекусить чем-нибудь вкусненьким. Тут, в конце концов, не столица, и никто не скажет, что девушка должна напоминать доску для стирки и не соблазняться на кренделя с маком в ночь.

А крендель – он горячий, ароматный до бялтов, с золотистой корочкой. Бывает, их украшают не только маком, но и корицей, ванильным сахаром и смешной присыпкой в виде звёздочек.

– Это для вас, панна Торба, – подмигнул пекарь за маленькой стойкой на колёсиках, протягивая мне крендели в бумажном пакетике. – Супруга передаёт нижайший поклон за зелье для ногтей и волос.

– Оценила эффект? – рассмеялась я, забирая угощение.

Пекарь подкрутил ус и кивнул:

– Ещё как! Насоветовала своим сёстрам и тётке девяноста пяти лет. Теперь все прибегут к вам.

– Дай Златовласая им всем здоровья, – улыбнулась я. – Буду ждать.

Качество продукта – одна из важнейших вещей в деле. Плохой продукт можно разрекламировать через вывески, газету и разосланные листики, но надолго этого не хватит. Зато вот тут один попробовал, понравилось – позвал других. Отлично, значит, надо распотрошить кладовку, чтобы достать ящик с сушёными ягодами, травами и камешками. Будет работа!

Я выбрала свободный столик, заказала кружку лучшего на свете яблочного сидра и вытянула крендель из пакетика. Пышнотелая дочка пекаря шустро обслуживала клиентов, успевая и забрать посуду, и принести заказ, и одарить улыбкой, за которую сам король Латрии отдал бы все свои сокровища.

Жёлтые фонари дарили уют, вывески у лавочек и таверн покачивались на ветру, призывая клиентов переливающейся всеми цветами радуги фейской пылью. Крохотные треугольные флажки на натянутых от дома к дому проволочных канатиках придавали праздничной атмосферы. Пусть до ежегодной Ярмарки Большого Дуба ещё далеко, зато вот-вот будет Зелёный день, когда понаедет народу со всех концов трёх государств Янтарного Союза – Латрии, Лиритвы и Эсты. Это особый день, когда не грех оставить работу и можно повеселиться от души.

Муррис тут же запрыгнул на соседний стул, ткнулся в бумажный пакетик, чихнул и что-то проворчал.

– Что говоришь? – уточнила я, с удовольствием уплетая хрустящий присыпкой крендель.

– Я говорю, всё лучше, когда с мясом, – будто святую истину, огласил Муррис.

Возражать не стала, потому что к любителям постного и полезного никак не отношусь. Но сладенькое есть сладенькое!

Вот сидр тоже сладенький, такой безумно ароматный настой, что голова кругом. Делаешь глоток – только и знаешь, что жмуришься от удовольствия. Ельняс – слишком хорошее место для жизни, чтобы когда-то отсюда переехать. Конечно, в моих мечтах была сеть лавок с зельями панны Торбы, только вот столица уже манила не так, как после окончания академии.

– Кстати, есть идеи, что будем делать дальше? – поинтересовался Муррис. – Готов заложить свой хвост, что Дудоля тебя в покое не оставит.

– Если бы Жужа не кинулась в драку, у меня бы осталась копия его претензий, – вздохнула я. – Он же так и удрал с ней в руках. А теперь как-то неудобно идти самой.

– Ну да, – согласился Муррис и невинно спародировал мой голос: – Пан Дудоля, откройте окошко, я привязала свою метлу к кровати, у вас есть пять минут, пока она не вырвалась!

– Очень смешно, – проворчала я, вытирая тыльной стороной руки щёку от сахарной пудры.

Беда была в том, что Муррис прав. Пан Дудоля обидчивее последнего бялта. Значит, дальнейший диалог будет возможен только через магистрат. Мне бы этого совершенно не хотелось. Обязательно же найдут какой-нибудь закон, где будет прописано нечто такое, что лишит меня арендуемых площадей. А оно мне надо? Не надо!

Я сделала глоток сидра, где-то в груди становилось легко и радостно. По крайней мере, настроение менялось.

Нужно как-то разыскать пана Орбаса. Только как, если этот гад упорно игнорирует все листики? Я поставила кружку на стол, сложила руки на груди и откинулась на спинку стула. Ну не в общелатрийский же розыск его подавать!

– А что, это вариант, – одобрил Муррис.

– Я что, это вслух сказала? – приподняла бровь.

– Нет, но я научился уже читать на твоём лице каждую мысль, – довольно добавил он. – Вот только найдём парня, который будет уметь так же, и со спокойной душой передам ему тебя с макушки до пяток.

– Ты уверен, что парень будет в восторге от девушки-газеты? – скептически поинтересовалась я.

– Думаю, будет, – задумчиво изрёк Муррис. – Куда он денется?

Слов для ответа не нашлось. Я снова взяла кружку. В конце концов, мужское плечо (ну и остальные части тела) – вещь в хозяйстве крайне полезная. Другое дело, что нужно выбирать с умом. А учитывая, что ассортимент оставляет желать лучшего... уж лучше куплю новый казанок! В нём, по крайней мере, можно сварить что-то вкусное, а с неподходящим мужчиной что сделаешь? Вот-вот.

– Слушай, Ядвига, – внезапно протянул Муррис, – а если Орбас того... отправился в Потусторонь? Ведь мы знаем, что листики не могут туда пробиться.

Потусторонь – мир, куда отправляются души умерших. После того как истёк земной срок, к каждому из нас приходит белая проводница, берёт душу за руку и уводит в место, куда живым не пройти. Как и их посланиям. Исключения – некроманты, способные достучаться до душ за гранью Потусторони.

– Всё может быть, – пробормотала я, понимая, что если это действительно так, то того и гляди нарисуются наследники.

Или пан Дудоля подсуется. И что-то картина совсем грустная. Неужели надо на всякий случай присматривать новое место?

Этого совершенно не хотелось, но парить в мечтах, что все проблемы рассосутся сами собой, не позволяла собственная практичность. Зато сидр определённо натолкнул на несколько дельных мыслей.

Вытерев руки салфеткой, я посмотрела на Мурриса.

– Предлагаешь действовать прямо сейчас?

– Потеря лавки – потеря денег, – резонно заметил он. – Когда видишь деньги – не теряй время.

Спасибо, Златовласая, что послала мне такого мудрого кота!

– Хорошо! – хлопнула я ладонью по столу. – Тогда нам нужен хороший некромант.

Муррис покосился на меня:

– Ядвига, где мы его возьмём в такое время?

– Ну... есть один на примете.

* * *

Каменный забор величественно возвышался над нами, уходя прямо в чёрный бархат неба, показывая только крышу дома и флюгер с котиком. Луна вошла в полную силу и освещала всё вокруг мягким сиянием. Громко трещали сверчки. Ветерок шевелил выбившиеся из моей косы рыжие прядки.

Красота. Романтика. Покой.

Только...

– Кажется, никого нет дома, – вздохнул Муррис. – Мы третий раз стучим, но никто не открывает.

Я чуть прищурилась, глядя на кованые ворота, на которых сейчас серебрились фигуры летучих мышей – первых помощников некромантов. Ну нет, я что, зря шла сюда целый час?

– Запомни, Муррис. У нас не говорят: «Никого нет дома». У нас говорят: «Забор надо перелезть».

И, резко развернувшись, быстро зашагала вдоль стены. Кот подпрыгнул на месте и кинулся следом.

– Ядвига, подожди!

Дом некроманта – это неприступная крепость. Хотя бы потому, что человек, решивший связать свою жизнь с погребальными ритуалами и Потусторонью, по определению не очень любит живых. А мёртвые – не те гости, которых ждёшь незваными. Поэтому и защита некромантского жилища всегда на порядок лучше других.

Но вы пробовали остановить ведьму, которая уже всё решила? А ведьму из рода Торба?!

Семейное предание гласит, что давным-давно у нас была совершенно другая фамилия – воздушная, нежная и невинная. То ли Цветочек, то ли Бабочка, то ли Цветочная Бабочка – история умалчивает. Но однажды мою прапрапрапра... бабушку довёл какой-то колдун. Да так, что она отложила в сторону вышивку, которой полагается заниматься воспитанной панне во время досуга, и произнесла:

– Тебе торба.

После чего сшила огромную сумку – не сумку, целый мешок! – поймала туда колдуна, закинула на хрупкие девичьи плечи, дошла до песчаного берега и выбросила в Дзинтарово море! А затем отряхнула руки и пошла домой. С тех пор Цветочная Бабочка стала панной Торбой – и весь её род тоже.

Фамилией я гордилась. Прапрапрапра... бабушкой тоже. Все панночки из нашей семьи умели постоять за себя и никогда ничего обидчикам не спускали.

Воодушевлённая примером прародительницы и немного парами сидра, я обошла по периметру забор и нашла слабое место. Отлично, вот здесь есть дерево, вот здесь кладка достаточно рыхлая, если что – можно ухватиться и вскарабкаться.

Насколько я помню, сторожевых собак внутри нет, значит, можно обойтись без приключений. А если там кто и есть, то кину в него Муррисом – он чудесно царапается и матерится. Психологическая атака пройдёт на оценку «пять с плюсом».

Я посмотрела на чернеющую крону дерева. Ну, Златовласая, не оставь!

– Ядвига, ты уверена, что сейчас стоит это делать? – с сомнением спросил Муррис, явно не одобряя мой план.

По деревьям он, конечно, лазал во много раз лучше, но вид лихой и неразумный в нашем дуэте сейчас однозначно у меня. Кот подошёл к дереву и шустро взобрался наверх. Сомнение с его морды так и не исчезло, однако и попыток отговорить больше не последовало.

– Когда, если не сейчас? – выдохнула я и поставила ногу на камень, чтобы ухватиться за ветку и подтянуться.

Бялтова юбка! Нет, определённо, любовь к такой длине меня до добра не доведёт. Не зря матушка говорит, что где-то по нашей родословной прокочевали смуглые, звенящие золотыми серёжками и браслетами ромралы, оставив после себя любовь к ярким нарядам и украшениям.

С тихой руганью я влезла на ветку, которая тут же угрожающе затрещала. Муррис пробежал к самому краю и спрыгнул на забор.

– Тут всё чисто. Если только не накинута всеуничтожающее заклятие.

Я фыркнула. Даже если и накинута, то меня не тронет. Но до заклятья ещё надо добраться. Сейчас надо осторожненько встать, та-а-ак... сделать шагок, ещё шагок... А-а-а! Стоять!

Я взмахнула руками, как перепуганная птица – крыльями. Сердце заколотилось, готовое выскочить из груди. Ладони повлажнели от напряжения. Вернуть равновесие, подобрать юбку, чтобы не запутаться, и бочком-бочком, аккуратно, осторожно, несём себя, как королева, и...

Ветка с оглушительным треском надломилась, и я с визгом полетела прямо на ухоженные кусты.

* * *

– Так-так, стоило только уважаемому некроманту лечь спать, как в его дом пытаются проникнуть всякие подозрительные личности, – сквозь туман в голове пробился ехидный голос.

Безусловно, красивый голос, низкий, с обворожительной хрипотцой и чарующими нотками, слыша которые все поважные панны и пани, как говорят на родине моей матушки, мечтательно возводят глаза к небу.

– Уважаемый некромант мог открыть дверь, – проворчала я, перехватывая из его рук ледяную банку с каким-то эликсиром и прижимая её к шишке на затылке.

Это сейчас уже мы находимся в хорошенькой гостиной, где переливаются мягким светом магические лампы под потолком. Шкафы с книгами, диван, карта на стене, скелет в уголке. Всё, что нужно для работы и приятного досуга.

– Ядвига, в гости по ночам не ходят, – сообщил некромант и тут же уточнил: – Нормальные люди.

Я невинно захлопала глазами.

– Айварас, неужели обязательно быть таким занудой, когда прекрасная панна страдает от шишки на голове?

– Да? – Светлая бровь изумлённо заломилась. – А я думал – от отсутствия мозгов в этой самой голове!

Я швырнула в него первой попавшейся под руку вышитой подушкой. Одна из зазнобушек делала. Не знала, бедная, что с такими, как он, лучше не связываться.

Айварас ловко перехватил подушку и погрозил пальцем.

– Прекрати, а то вызову стражей порядка.

Ну да, ну да, и они тогда меня поставят в угол за плохое поведение. Это явно было написано на моём лице, потому что Айварас всё понял и только фыркнул, отбросив на спину платиновые волосы.

Да, красив, что тут скажешь. Рост, размах плеч, телосложение – хоть сейчас на обложку любовного романа пани Ёршис, которая, говорят, сумела привлечь в клуб своих поклонниц саму дочку короля.

Красивые черты лица, синие, как латрийское небо весной, глаза, прямой нос, мужественный подбородок. Длинные волосы, по цвету способные поспорить с лунным светом. Узкие

ладони, изящные пальцы, на которых надеты некромантские перстни. И крестообразный шрам на шее – цапнуло умертвие во время одного из налётов на город.

Из одежды только чёрные брюки, поэтому можно в деталях рассмотреть обнаженный торс с хорошо развитой мускулатурой и пресловутыми кубиками на прессе.

Айварас Каус – дипломированный некромант, завидный жених, владелец дома... Мечта, а не мужчина. А ещё мой сводный брат, с которым мы грызёмся от души по любому маломальски значительному поводу.

В своё время моя матушка, Гражина Торба, безумно влюбилась в красивого и молодого колдуна, оставила родную Польху и переехала в Латрию. Молодой и красивый колдун вскружил ей голову, закружил в водовороте страсти и откружил в неизвестном направлении, когда стало ясно, что у большой Торбы вот-вот появится маленькая Торбочка.

Матушка, как полагается обманутой честной девушке, немного погоревала, послала парочку проклятий на голову нерадивого колдуна и осталась в Латрии – обустраивать зельварческое дело и воспитывать дочурку. В конце концов, местные её приняли очень хорошо и помогали, чем могли. Так я и росла до четырнадцати лет.

А потом матушка встретила Мита Кауса – энергичного торговца артефактами из Лиритвы. Искра, вспышка, ураган – свадьба. У Мита был сын старше меня на шесть лет – Айварас. Уже тогда он окончил академию и поступил на государственную службу. Ох и бегали за ним все соседские девчонки! И несоседские – тоже. Одна я восприняла его как приложение к отчиму, которому, кстати, очень симпатизировала, да и он относился ко мне как к родной.

На тот момент мой характер оставлял желать лучшего (Айварас и сейчас скажет, что я не подарок, но он просто зануда), поэтому ссорились мы постоянно. Братец не мог принять, что какая-то мелочь не воспринимает его, прекрасного и великолепного, а мелочь не могла понять, почему вообще должна кого-то воспринимать.

– Итак, зачем я тебе понадобился в два часа ночи? – любезно поинтересовался Айварас, отходя от меня и беря со столика изящную кружку, чтобы сделать глоток.

Поди, там какой-нибудь навороченный чай с травами, собранный во время полнолуния обнаженными девственницами. Вечно выпендривается, даже если рядом никого нет.

– Ты мне нужен как гробокопатель, – самым невинным голосом отозвалась я.

Айварас подавился и закашлялся. Так тебе и надо. За моей спиной хихикнул Муррис, до этого изображавший памятник самому себе.

– Ядвига, кого ты уже успела убить? И почему как угощать плюшками, так идёшь к противному соседу, а как прятать тело, так ко мне?

– Нормальный сосед, ты просто завидуешь, что тебе не достаётся плюшек, – не смутилась я и снова поморщилась.

Чтоб я ещё решила падать в кусты! Эта белобрысая сволочь наставила там садовых гномиков, чтоб «было красиво»! Конечно, кусты не для того, чтобы туда влетали внезапные родственницы, но вдруг ночь, страсть, давай-прямо-здесь? А тут эти гномы! Стоят и смотрят! И неудобно, и неприлично. Это уже не удовольствие в уединении, а мероприятие в коллективе!

Я опустила руку с банкой и взболтала жидкость, тут же засиявшую зеленоватым светом. Понюхала – мята, мелисса, мёд. Ага, восстанавливающее. Сделала глоток и зажмурилась от облегчения. Златовласая, как хорошо!

– Ядвига, хватит театральных пауз.

Айварас явно начинал злиться. Вон руки на груди сложил, в глазах вспыхивают синие молнии, хотя морда кирпичом – так внушительнее.

– Речь о моём арендодателе пане Орбасе, – деловито начала я, понимая, что тянуть больше не стоит. – Я его точно не убивала, но судя по тому, как до него не могут дойти листики, его убил кто-то другой.

– Совсем не доходят, – поддакнул Муррис.

– И? – уточнил Айварас, многозначительно замолчав.

– Я хочу попросить тебя провести ритуал, чтобы выяснить, жив он или уже путешествует по Потусторони.

Лицо Айвараса медленно вытянулось:

– Ядвига, я правильно понимаю, что от тебя просто не хотят принимать послания, а ты уже решила проверить, не умер ли адресат?

Будь я поглупее или постеснительнее, то сложила бы ладошки на коленках, уставилась в пол и начала бормотать извинения. Но...

– Айварас, ты прекрасно понимаешь, что моё желание не лишено основания. Листики проходят везде. Ты это отлично знаешь, причём не только от блондинки из почтовой службы, но и от товарищей по некромантскому отделу.

– Шатенки, – рефлексивно поправил Айварас, немного рассеянно глядя на свою кружку.

– Ты их ещё запоминаешь? – искренне удивилась я и вмиг захлопнула рот под грозным синим взглядом.

Ладно, переборщила немного. Ну любит он женщин, а женщины – его. В этом нет ничего такого для красивого, богатого и умного некроманта.

Ещё некоторое время мы для порядка попрепирались, но в итоге Айварас сдался, едва услышав про пана Дудолю. Упомянутый товарищ симпатии не вызывал почти ни у кого, так что в Айварасе быстро очнулись родственные связи, которые до этого мирно дремали под лопушком.

– Ладно, – вздохнул он. – Попробуем что-то сделать. Единственное, не сегодня. Я тебе пришлю листик. Сейчас надо доделать отчёт для столичной проверки. Там головы всем пооткусывают, если не успеем.

Я возражать не стала. Вряд ли Дудоля успеет так быстро придумать и воплотить какую-нибудь гадость. Правда... кто его знает.

Я отставила пустую банку, эликсир оказался чудным, боль ушла, а тело наполнилось лёгкостью и бодростью. При этом эффект от восстановительного зелья не спутать с сидром, это другое.

– Спасибо, мой дорогой брат, как хорошо, что ты у меня есть!

– Слишком пафосно. Не верю.

– Хорошо. Спасибо, что не послал.

Айварас хмыкнул.

– Ну, я пошла, – сообщила и поднялась с дивана. – Спасибо за зелье и гостеприимство.

Уже было дошла до выхода, как меня окликнули:

– Эй, в смысле «пошла»?

Я обернулась, встретилась взглядом с синими глазами, в которых бушевало целое море подозрительности.

– Ножками. Пешие прогулки очень полезны для здоровья.

– А где твоя Жужулла?

– Жужанна, – усмехнулась я. Айварас и Жужа настолько искренне друг друга не любят, что впору писать стихи. – Она дома. Решила нас не сопровождать.

Айварас вздохнул и знаком дал понять, чтобы стояла на месте.

– Сейчас оденусь, и пойдём. Подожди.

Я еле сдержала улыбку. Сколько бы мы ни цапались, на мою безопасность ему не плевать. Айварас, конечно, знает, что с моим нравом помощь может понадобиться тем, кто решит на меня напасть, но всё равно не считает, что девушка должна идти одна ночью. И это... хорошо.

Муррис сохранял многозначительное молчание на протяжении всей дороги. Путь домой почему-то всегда для меня короче, чем путь из дома. Уже стоя на пороге лавки, я крепко обняла брата.

– Спасибо.

Он похлопал меня по плечам и неожиданно хмыкнул:

– Ядвига, объясни, почему вместо того, чтобы послать мне утром листик, ты пришла сама? Да ещё и таким экзотическим способом?

– Соскучилась, – невинно захлопала я ресницами.

– Ядвига! – В его голосе появились угрожающие нотки.

Я прикусила нижнюю губу, чтобы довольно не улыбнуться. Да просто я знаю твой характер, Айварас Каус! Твой жуткий, мерзкий, вредный характер! Если не свалишься тебе на голову, то просто не догонишь! Мне бы пришлось трясти дерево, чтобы набрать листиков для известий, дабы засыпать тебя ими с ног до головы. А вот личный контакт...

– Знала, что ты не устоишь против моей харизмы.

Айварас скользнул по мне задумчивым взглядом:

– Невелика харизма.

Я оскорбилась. Два с половиной... два с четвертиной – почти третий размер! Хам! Уже набрала воздух в грудь, чтобы ответить, как дверь за моей спиной приоткрылась.

– О, Жужа! – довольно оскалился Муррис.

– Всё, я пошел. Доброй ночи, – быстро сказал Айварас и шустро скрылся во тьме.

Я только покачала головой, потом погладила по гладкому деревянному черенку приблившуюся метлу.

– Кто бы мог подумать, что взрослый мужчина, уважаемый некромант, мечта прекрасных панн Латрии, может на такой скорости улепётывать от маленькой миленькой ведьмовской метлы? – задала я риторический вопрос.

Жужа согласно пошелестела прутиками, а Муррис подошёл ко мне и прижался пушистым боком к ноге.

– Вот видишь, с одним вопросом разобрались. По крайней мере, начало положено.

Я кивнула. В деле на Айвараса можно положиться, хоть он и не упустит возможность выковырять мой мозг ложечкой. Ладно, переживём, не первый раз. Пользы от братца намного больше, чем вреда.

– Ядвига, но вот о говорящих горшках мы так и не подумали, – вернулся Муррис к забытой за последние два часа теме.

Я посмотрела на усыпанное звёздами ночное небо. Что ж... есть у меня одна идея.

– Будут нам горшки, – улыбнулась уголками губ. – А теперь – спать!

Глава 3. Говорящий горшок

Несмотря на ночные приключения, я встала рано, позавтракала шикарными булочками с корицей, рассыпчатой гречневой кашей со сметаной и пикантной домашней колбаской, потом запила чаем с мятой. Кто скажет, что я слишком много ем, просто слезьте со своей диеты и перестаньте завидовать красивой молодой девушке в самом расцвете сил. Собрала сумку, прихватила мешочки для фейской пыли и, наказав Жуже и Муррису вести себя прилично, отправилась за покупками.

Продуктов в доме, слава Златовласой, достаточно, а вот пыльца улетает, как на драконе. Ну вот кому это надо? Драконов, конечно, я никогда не видела. У нас про них рассказывают так же, как и про Чёрного рыцаря. Где-то слышали, где-то трогали, но никакой конкретики. А вот гости, что приезжали с далёкого востока, отличавшиеся от нашего народа золотистой кожей, чёрными, как шёлк, волосами и узким разрезом глаз, говорили, что драконы в их местах – обычное дело. Как заработаю побольше – отправлюсь поглядеть драконов. Заодно и связи торговые налажу.

Я шагала по тропинке, наслаждаясь чудесной погодой, и напевала песенку про влюбчивую ведьмочку, которая так очаровала самого морского хозяина, что он выловил ей весь янтарь в подарок.

Лавка расположена удобно, до рынка идти всего полчаса. Когда я выбирала помещение, это тоже учла. Потому что если делать закупки, то надо рассчитывать не только на силы перевозчиков, но и на свои собственные. То плохая погода, то заболел кто-то, а то внезапно что-то закончилось.

С утра на рынке от шума и смеха никуда не скрыться.

Я довольно прижмурилась и направилась к рядам, где находились выкладки с травами, порошками и фейской пылью. Кто-то любит уединение, а я прекрасно себя чувствую среди людей. Особенно людей, которые заняты делом. Здесь всегда есть о чём поболтать, чему удивиться и восхититься, увидеть что-нибудь новенькое, услышать десяток комплиментов, обсудить новости и посмеяться над чем угодно.

Рынок – это особое место, наполненное особой атмосферой, где все в движении и разговорах. Целый день общаться с людьми, предлагая товар – это особое умение, согласитесь. Поначалу, когда я была долговым веснушчатым подростком, чересчур зацикленным на себе прекрасной, то считала, что ни за что не стану работать с людьми! Буду варить зелья, спихивать какой-нибудь бойкой пани, забирать деньги и снова варить. Но потом поняла, что люди – это самая большая драгоценность Янтарного Союза, что бы и кто бы там ни говорил.

В академии я влилась в поток, сумела завести пусть не друзей, но хороших приятелей. Нашла общий язык с преподавателями и... внезапно местными обитателями квартала, где находилось наше общежитие. Им понравились мои зелья, слово за слово – ко мне потянулся весь район. Первое время я не могла прийти в себя от счастья, но потом поняла, что нельзя терять время. И вместо того чтобы задирать нос и гордо ходить по академии, пошла в библиотеку, чтобы взять учебник по основам ведения собственного дела и классическую историю известной на весь Янтарный Союз сети зельеварен «Влейте в неё свою душу: как котелок за котелком создавалась “Дарсбак”». Мой интерес был замечен преподавателями, поэтому без поддержки и объяснений я не осталась.

Как же, оказалось, много нужно знать, чтобы открыть крохотную лавчонку! Просто варить зелья – это на кухне дома. А чтобы их можно было продавать и на это жить, нужно знать основные принципы экономики, зельеварения, коммерции, бухгалтерии, рекламного дела... ы-ы-ы. Это было ужасно. Мой мозг поначалу попытался сказать, что на такое не подписывался,

и не лучше ли устроиться куда-то в аптеку и лекарню, занимаясь непосредственно тем, на что учимся.

«Нет!» – бодро ответила я и засучив рукава принялась усиленно разбираться в основах делопроизводства и торговых принципах.

За что в дальнейшем, между прочим, была вознаграждена. Часть моих однокурсников вернулась домой, не в силах показать хоть какой-то результат, а я на полученное денежное поощрение от академии арендую лавку в Ельнясе.

– Панна Торба! – махнула мне пожилая женщина в опрятном синем платье и повязанном поверх него голубом переднике. – Не проходите мимо!

Я улыбнулась и подошла к прилавку, уставленному множеством коробочек и подставочек с ячейками, в которых сверкала, слепя, фейская пыльца. Рубиновая, как ягоды в лесу; аква-мариновая, как волны Дзинтарова моря у берега; солнечно-жёлтая, пропитанная золотом морского песка; ярко-зелёная, цветом напоминавшая камни в короне Латрии, и жемчужно-белая, как кожа русалок из сказок.

– Доброго дня, пани Рута. Как здоровье? Как домашние?

– Слава Златовласой, всё в полном порядке, – улыбнулась она. – Внукам стало лучше после ваших калиновых зелий, я к вам приду за ними ещё. К вечеру продохнуть не могли, а наутро уже бегают по дому. Отличные зелья!

– Иного не держим, – рассмеялась я и заинтересованно осмотрела товар. – Дайте-ка мне всего по чуть-чуть. В вашу коробочку.

Торговцы фейской пылью имеют специальную тару – аккуратные деревянные ящички со множеством ячеек внутри. Так удобнее потом засыпать товар из особых трубочек, в которые он собирается, чтобы не рассыпался.

Феи – очень необычные, красивые и в то же время нелюдимые существа. В самом прямом смысле. С ними даже договор на официальную торговлю заключили каких-то пятнадцать лет назад – больно уж они сторонились человеческих поселений. Но потом всё же их правители сумели усмотреть безусловную выгоду от дружбы с людьми, и зельевары, а также те, кому необходима пыльца, выдохнули спокойно. За редкими ингредиентами больше не надо было охотиться и доставать их через третьи... а временами и тридцать третьи руки.

– Так, а это у вас что такое?

Я с интересом указала на перламутровый порошок, нежно переливавшийся розовым и серебряным.

– О-о-о! – довольно улыбнулась пани Рута. – Это русалочья пудра. Отлично работает в основах зелий, имеет очень сильный компонент притяжения.

Хм, притяжения. Интересно, сработает на притяжение денег? Нет, ну а что? Вдруг придётся искать новую лавку, без денег тогда вообще будет грусть-боль-печаль. Цена, конечно, кусается, но известно: всё, что удаётся выторговать у русалок, превосходного качества. Поэтому не буду жаться – беру!

– И этого тоже, – кивнула я, наблюдая, как пани Рута аккуратно насыпает русалочью пудру в изящную раковину.

Вот, кстати, не последнее в торговом деле – упаковка! Покупателя ею одной, конечно, не удержишь, но оформление товара очень важно. В конце концов, зрительный контакт с товаром – это первая ступенька к желанию потратить немного денег. Ну или много, зависит от платёжеспособности клиента.

Завернув покупки, я осмотрелась. Так, травы пока не нужны, нагребать не буду. Южные лакомства с орехами и сушёным виноградом в меду манят сильно, но я сильнее. Сдержусь. Надо пока придержать средства, а не транжирить их направо и налево. Хотя и очень хочется.

Ага, а вон та самая лавочка, которая мне нужна. И даже открыто, хотя никого и не видно.

– Пани Рута, – спросила я, не отводя взгляда от приоткрытой двери, – а вы не видели, гончары сегодня не проходили?

Она проследила за моим взглядом и кивнула.

– Были-были, как же. Полторы недели зарабатывали, ничего не продавали, а сегодня смотрю – суется.

А новость-то приятная!

Поблагодарив пани Руту за информацию и пожелав удачной торговли, я пошла к лавке. В груди заполошно заколотилось сердце. Я бы даже сказала, что предательски, хотя основательных причин тому нет уже несколько месяцев. Но вдруг здесь он? Тот самый человек, думы о котором...

Я тряхнула волосами. Так, а ну-ка прекратить бредовые мысли! Очень не вовремя все эти фантазии не о... горшках. А надо бы о них.

Лавка выделялась на фоне других: крепкая, светлая, в отличном состоянии – не зря семейство Раудис следит за ней, как за родной дочкой. За лавкой находится святая святых – гончарная мастерская, куда абы кого не пустят. Мне удавалось побывать там, но только исключительно из-за симпатии хозяев. Их трое: дед, отец, сын. Они жили где-то на севере Лиритвы, но потом перебрались сюда. Талантливейшие гончары – глина сама принимает нужную форму под их пальцами и разве что не поёт от счастья. Верно говорят, что гончарный круг Раудисов зачаровал сам Ловкорукий – покровитель ремесленников.

При желании они могли давно перебраться в столицу и жить там, отбоя от клиентов не было бы. Но что-то сдерживало: то ли нелюбовь к большому скоплению людей, то ли... родовое проклятие.

Я постучала в дверь, но не услышав ничего в ответ, тихонько зашла внутрь. Солнечный свет, проникавший через аккуратные окошки, золотил волосы склонившегося над широкой макитрой мужчины. Неважно, что голова уважаемого пана Раудиса практически вся седая – оставшиеся рыжие пряди всё равно отливают яркой медью. Ему уже к семидесяти годам, однако выправка до сих пор привлекает взгляды женщин. Серые глаза внимательно смотрят через узенькие стёкла очков на выдавленный узор по бокам макитры. Руки пусть и покрыты морщинами, но силы до сих пор не потеряли.

– Кто крадётся рыжей кошкой? – поинтересовался он, не отводя взгляда от гончарного изделия.

Я замерла, едва не вцепившись в сумку. И как у него это получается делать? Чувствует, что ли?

– Доброго дня вам, пан Раудис. Рада, что вы открылись.

Он посмотрел на меня поверх очков. Серые глаза напоминали затянутое тучами грозное небо, хмурое и... а, бьют его укусы, было бы хмурое, если бы не плясавшие в них смешинки.

– Доброго-доброго, Ядвига. Совсем позабыла про нас.

– Как это? – возмутилась я. – Я ходила, но лавка была закрыта!

– Как будто ты не знаешь, где тут чёрный ход, – усмехнулся пан Раудис, откладывая макитру в сторону и едва заметно улыбаясь тонкими губами.

– Ну, знаете, туда ходят либо воры, либо те, кого очень ждут, – заметила я. – Но хорошие люди, если хотят назначить свидание втайне от других, присылают листик.

Пан Раудис рассмеялся и опёрся руками на прилавок:

– Понял-понял, панна зельевар, и не поспоришь. Ну, рассказывай.

По лицу было ясно, что он рад меня видеть, несмотря ни на что. Впрочем, я испытывала к мужчине сходные чувства. Всегда.

Я подошла ближе, с интересом разглядывая горшки на полках за его спиной.

– Видите меня насквозь, пан Раудис. Я поняла, что созрела, вступила, так сказать, в тот возраст, когда женщина готова на всё.

Он приподнял седую бровь, явно заинтригованный моим вступлением.

– Я хочу говорящий горшок.

– А звучало так, словно взобраться на замковую стену обнажённой и призвать на состязание всех славных мужей Янтарного Союза за ночь любви, – с иронией прозвучал за спиной чарующий бархатный голос.

Ну, конечно-конечно, как же без тебя! А уж я-то решила, что всё пройдёт гладко.

Резко обернувшись, я встретила с насмешливым взглядом серых, как Дзинтарово море во время шторма, глаз. Рыжие волосы, горящая огнём жидкая медь, как всегда, стянуты в низкий хвост, только выбившаяся прядь касалась щеки. Мочку правого уха немного оттягивала серга в виде жёлудя на ребристой цепочке.

Высокий лоб, тонкие, но ни капли не женственные черты лица, изогнутые в усмешке губы. Узкие ладони, длинные пальцы – обманчиво изящные, не стоит вестись на их внешний вид, я не раз видела, как они сминают глину от неудавшегося изделия. Причём это может быть уже обожжённое гончарное изделие.

На нём светло-серая свободная рубаха, широкие штаны на манер восточных гостей из-за Жёлтого моря, фартук с витой буквой «Р» – клеймом семьи Раудис, которую они ставят на весь свой товар.

– Каждый слышит то, что хочет, Линас, – улыбнулась я, невинно хлопнув ресницами.

Впечатление, правда, испортило то, что улыбка больше походила на оскал. Вот так вышло, что я прекрасно нашла общий язык со старшими Раудисами, но при этом никак не получалось понять друг друга с самым младшим. Линас Раудис – талантливый гончар, первый красавец всего Ельняса, язва, гений и много чего другого.

Работы у него и правда загляденье. Смотришь-смотришь, а отойти не можешь. Не зря говорят, что Ловкорукий при рождении берёт ладошку младенца и посылает своё благословение. Судя по всему, Линаса он не только держал за ручонку, но и баюкал перед сном, потому что талант и правда был огромен. Его опыт значительно уступал отцовскому и дедовскому, но изделия могли вот-вот вырваться вперёд.

И всё бы хорошо, только... Мы не переносили друг друга. Вот просто с первого взгляда как увидели, так и поняли: «Ты мне не нравишься». Причём умом я понимала: Линас – красивый молодой мужчина с руками, растущими из плеч, а не из места, которое моряки величают кормой. Но он меня бесит. Вот просто бесит и всё тут! Временами смотришь на человека, а внутри возникает желание стукнуть. Нерационально, нелогично, да и, в общем-то, совершенно незаконно.

Мне это абсолютно не нравилось, ведь на людей никогда не кидалась, а тут прямо хочется до одури! Немного примиряло с ситуацией, что Линас испытывал ко мне сходные чувства. Желание просто стукнуть человека – это немотивированная агрессия. Желание стукнуть человека, который хочет стукнуть тебя, это уже поддержание вселенской гармонии.

Линас хмыкнул, сложил руки на груди и опёрся плечом на наличник у входа.

– Чем обязаны?

– Ядвиге нужен говорящий горшок, – подал голос пан Раудис, зная, что у нас будет задорная, но совершенно бессмысленная перепалка. – Я хотел бы, чтобы это был твой заказ, Линас.

Лицо последнего не изменилось, в серых глазах вспыхнула молния. Я невольно покосилась на пана Раудиса, стараясь не дышать. Ну это подстава, между прочим. Я на такое не подписывалась!

Только вот руки в боки да топать ножкой... я буду перед Муррисом. И то, когда он, повернувшись ко мне пушистым задом, начнёт трескать рыбу. Профессионал? Профессионал. Делает на совесть, дери его бялты? На совесть.

Пришлось сделать глубокий вдох, призвать весь свой самоконтроль и улыбнуться. От моей улыбки Линаса тут же перекосило. Отлично, чудное взаимопонимание без слов. Он явно

не в восторге от предстоящей работы, но перечить деду не станет. Во-первых, в семье Раудис уважают старших, во-вторых, деду виднее. Конечно, не будем брать в расчёт, что в кого-то же Линас уродился. Уж не знаю, каким характером обладала женская часть семьи, но мужская однозначно сначала что-то делала, а потом с интересом смотрела, бахнет или нет.

Кстати, вот с женщинами Раудисов... загадка. Никто их никогда не видел, а сами мастера не спешили с кем-то делиться семейными историями. Спрашивать было неудобно, да и по большому счёту мне ни к чему.

– Ну что ж, – хмыкнул Линас, отлипая от стены и проходя мимо меня. – Тогда прошу в мастерскую. Будем обсуждать заказ, уважаемая панна Торба.

– Спасибо, уважаемый пан Раудис, – проворковала я, кивнула старшему и последовала за Линасом.

Так, надеюсь, находясь в стеснённых обстоятельствах и замкнутом помещении, мы друг друга не убьём.

В мастерской Раудисов было довольно просторно и светло. Три гончарных круга, столы с разложенными заготовками, печь для обжига, шкафы с инструментами, о предназначении которых я могла только догадываться.

Из приоткрытого окна слышалось пение птиц и шум ветра. Пахло свежескошенной травой и какой-то цветочной сладостью – у стен явно растут деревья с юга. Они всегда так кружат голову ароматом, что никакого сидра не надо.

Здесь было умиротворённо, правильно, хорошо.

Так и хотелось просто сесть на стульчик у подоконника, взять на колени котика или книжечку пани Ёршис и просто наслаждаться всем вокруг.

Но для этого надо было как минимум выставить одного рыжего бесстыжего господина, который здесь, по странному стечению обстоятельств, являлся хозяином.

– Значит, говорящий горшок, – произнёс он, подходя к шкафу и открывая его. – Знаете ли вы, панна Торба, что это посуда не для новичков? Нужно обладать не абы каким опытом, силой воли и знаниями, чтобы с ней работать.

Дело в том, что говорящий горшок – это, считай, посуда с подселённым в неё духом-помощником. Духи далеки от человеческих взглядов на общение, воспитание, мораль и жизнь. Поэтому, чтобы укротить такое золотце, надо и правда быть крутой, как обрыв, и резкой, как королевские проверяющие на рынке.

– Знаю, пан Раудис, – ответила я, хваля себя за сдержанность.

Он, не услышав ответной шпильки, обернулся и внимательно посмотрел на меня. Хотела сочувствующе улыбнуться, но передумала – уже буду переигрывать.

Атмосфера накалялась, несмотря на то что мы молчали.

– Размер, базовые зелья, срок, – наконец-то произнёс Линас, видимо, поняв, что я вознамерилась молчать, как русалка на корабле, где вместо возлюбленного моряка встретилась с его разгневанной женой.

– Три литра, зелья здоровья, укрепления духа и красоты. Срок – чем раньше, тем лучше, – быстро ответила я.

Линас написал что-то в переплетённом кожей блокноте, потом задумчиво посмотрел на меня:

– А как же приворотные?

Много ты понимаешь, рыжий гад! Приворотные зелья в трёхлитровом горшке никто не варит! Их же настаивать и выпаривать надо! Только сделал слабее, и всё – пиши пропало! Поэтому тут надо подходить со всей ответственностью, а не с желанием кому-то спихнуть халтуру оптом.

Только вот говорить это Линасу я не собиралась. У него сегодня то приворотные, то ночь любви, дальше, наверное, будет ещё интереснее, только вот у меня нет никакого желания препираться и жонглировать остроумием.

– Индивидуальный заказ всегда готова обговорить, – тем не менее спокойно сказала я. – Моя лавка работает с восьми утра до шести вечера. При необходимости не откажусь от сверхурочных часов.

Линас бросил на меня быстрый взгляд, хмыкнул, снова что-то черкнул в блокноте. Мол, как-нибудь уж проживу без твоих зелий. И тут же поманил к столу.

– Прошу взглянуть и выбрать форму.

Под стеклом находились горшки, точнее, крохотные образцы: пузатенькие, длинненькие, причудливо изогнутые и даже такие, что не назвать сразу – придётся листать словарь, чтобы правильно уточнить геометрию.

Я с интересом разглядывала их, прикидывая, какой пойдёт мне больше всего. Это должно быть удобно, вместительно и в то же время не выбиваться из интерьера лавки. И вот не надо сейчас смеяться, это важно! Когда клиент заходит, он обязательно смотрит по сторонам. И если чувствует себя хорошо и уютно, то расслабляется и сообщает, что ему нужно.

Зельевар – это маленький лекарь душ. Он выслушивает возникшую проблему и подбирает, как ключик, решение к ней. А то, что этот ключик булькает и течёт, совсем неважно!

– Этот.

Я ткнула в простой горшок с аккуратным верхним бортиком и таким же простым, но симпатичным узором на боку.

Линас посмотрел, молча кивнул с неожиданно серьёзным выражением лица и уточнил:

– С крышкой?

Я подумала и тоже кивнула. В конце концов, это не только посуда, но и домик для духа. А значит, если он захочет побыть наедине с собой, то надо дать ему такую возможность.

– Хорошо. Через три дня можно приходить: сделаю горшок и поселю духа, – деловито сказал он. – Залог – десять золотых.

Я чуть не выронила сумку. Да я столько за месяц аренды плачу! Грабёж среди бела дня! Ещё и стоит тут, улыбается аки невинный юноша в храме Златовласой!

– Сколько? Это только залог?

– Да, – невозмутимо кивнул Линас. – Ты сама прекрасно знаешь, что всё говорящее, что бы это ни было, требует больших магических затрат. Тяп-ляп наша семья не делает, если не хочешь, чтобы дух вместо того, чтобы помогать варить зелья, каждое утро гадил в тапки, нужно платить.

– Ну, знаешь! – возмутилась я. – Мне нужна гарантия, что создатель горшка не науськает его портить мою обувь!

Линас на мгновение озадачился, явно до этого не задумываясь над таким вариантом, но потом довольно улыбнулся:

– Могу дать расписку.

– С печатью мастера, – улыбнулась я в ответ.

Некоторое время мы сверлили друг друга взглядами, чувствуя, что вот-вот кругом заискрят молнии. Но раздался шорох, и в мастерскую вошёл старый пан Раудис.

– Ну что, договорились? – мягко поинтересовался он, переводя взгляд с меня на внука.

Тот медленно выдохнул и кивнул:

– Да, панна Торба согласна на всё.

Я скрипнула зубами, но тут же улыбнулась, достала из сумки деньги и отдала Линасу.

– Просто счастлива работать с вами, – пропела я. – Надеюсь получить самый лучший в Ельнясе говорящий горшок.

А если он таковым не будет, зараза рыжая, то надену этот горшок прямо на голову и дам пинка под подтянутый зад, о котором грезит треть панночек нашего городка.

Линас удержал маску невозмутимости, а вот пан Раудис улыбку не скрывал.

– Вот и отлично. Будем ждать тебя, Ядвига.

Попрощавшись с ними, я выскочила из мастерской и практически солдатским шагом направилась через рынок, кипя, как чайник, от возмущения. Ещё чуть-чуть – и из ушей повалит пар. Десять золотых! Нет, целых десять золотых! Это же бялт знает что! Только попробуй мне, Линас Раудис, не сделать то, что обещал! Удавлю!

– Панночка! Панночка! – раздался откуда-то слева тоненький голосок. – Панночка, не проходите! Купите цветочек!

Глава 4. Куда идём мы с некромантом?

– Что это?

– Не что, а кто. Это Сифиздилла.

– Боги! Называется так же, как и выглядит!

Повисла пауза. Кажется, мой дом полон хамов и паскудников, которые не имеют совершенно никакого представления, как надо общаться с поважными паннами. Кошмар. С кем приходится жить!

– Муррис, ты совершенно невоспитанный котик. Ну кто такое говорит девушке? – попе-няла я, любовно поглаживая тёмно-зелёные мясистые листья.

Муррис фыркнул и спрятался за Жужей. Жужа в свою очередь спряталась за казанок от греха подальше. Казанку было прятаться некуда, поэтому он просто принял грозный вид, раскачиваясь на цепочке.

Дело в том, что никто не ожидал, что с рынка любимая хозяйка вместо вкусняшек при-тащит горшок с деревом. Точнее, с милым цветочком из рода фейских мухоловок. Мне его продал смешливый пацанёнок, стоявший на краю рыночной площади и очень искренне загля-дывавший в глаза.

– Панночка, купите! Лучшей помощницы в доме не сыщете! Освежает воздух, отпугивает паразитов, благоприятно влияет на микроклимат, да и просто красиво!

Высотой цветочек почти с меня – это толстый стебель, на котором расположился бутон восхитительного нежно-розового цвета размером с добрый кочан капусты (прошу прощения за столь непоэтичное сравнение). Лепестки были оторочены пушистенькими иголочками, как бахромой, и так и манили погладить.

Хм... Временами в лавке душновато, поэтому с воздухом надо что-то делать. Паразиты... их достаточно, взять хотя бы пана Дудолу – никакого яду не хватит! Микро... как? Ладно, остановимся на том, что просто красиво.

– Панночка, купите! Сифиздилла очень грустит по женской компании, мы растили её с такой любовью!

Златовласая, какое имя! Беру и не раздумываю! Если мне дико захочется выразиться, но будет нельзя, достаточно ласково обратиться к цветочку в присутствии обидчика. Решено, беру! К тому же я давно хотела завести живой уголок между подсобкой и окном.

Я отсыпала мальцу требуемую сумму, после чего подхватила кадку и потащила в лавку. Временами казалось, что Сифиздилла искренне прониклась ко мне симпатией и лезла обни-маться в благодарность. Только вот трудновато с кем-то обниматься, если ты в это время его несёшь. Поэтому, пыхтя и бормоча что-то про собственную дурость, я шагала по тропинке и тянула приобретённый цветочек.

Муррис и Жужа в первый момент бодро прыснули в разные стороны, решив, что лавка подверглась нападению ожившего дерева-оборотня. Но, услышав мой голос, выбрались из укрытий.

– Ядвига, напомни, зачем ты ходила на рынок? – уточнил Муррис, бочком подбираясь к цветку.

– За горшками, – охотно отозвалась я, направляясь в свою маленькую комнатку.

Между прочим, жутко удобно, когда в одном месте одновременно и живёшь, и работаешь. Именно поэтому я искренне люблю это место и не хочу отсюда уезжать.

– И-и-и? – Муррис протопал за мной и запрыгнул на застеленную узорчатым покрывалом кровать.

Я быстро скинула одежду (потом её надо отправить в стирку) и достала тёмно-зелёное платье с длинными рукавами и юбкой. При варке зелий надо смотреть в оба и никогда не отно-

ситься к рабочей форме с легкомыслием. Мало ли что может капнуть или прожечь? Ситуации бывают очень разные.

– И попала в лавку Раудисов, сделала заказ. Через три дня пойдём забирать.

Я быстро надела на платье рабочий пояс с кучей кармашков, крючочков и шнурков – очень удобно цеплять подручные материалы.

Муррис округлил глаза, озадаченно глядя, как я расплела косу и достала расчёску. Рыжие пряди хлынули по плечам и спине. Такая уж наша ведьмовская доля, что волосы не могут быть короткими. Есть снадобья, куда они идут в качестве ингредиента, как и ногти. Конечно, тут речь не про обычные витаминные зелья или лекарственные мази, а уже ближе к чёрной магии, но никогда не знаешь, что пригодится на следующий день. Жизнь, она такая... внезапная.

– Ядвига, заказ взял кто-то из старших Раудисов? – аккуратно уточнил Муррис.

Я быстро расчесалась и скрутила волосы жгутом на затылке, чтобы не мешали. Несколько непокорных прядок тут же выскочили из причёски игривыми спиральками.

Повернулась к коту и улыбнулась:

– Нет, взял Линас.

Если бы челюсть у кота могла упасть, она бы это сделала прямо сейчас. Но мне достаточно было недоумения и неверия в желтящих глазах.

– Линас? Ты меня не разыгрываешь?

Я фыркнула и снова пошла в лавку, надо полить Сифочку. Очаровательное создание, стоит себе тихонько, никого не трогает и не умничает.

– Не разыгрываю, Муррис. Конечно, без деда не обошлось, но заказ взял. Значит, мы можем быть спокойны за качество горшка и уверены, что в один прекрасный момент он не начнёт вместо приворотного зелья варить мочегонное.

– Как по мне, невелика разница, – заметил Муррис. – Что там, что там урина бьёт в голову, вышибая все способности мыслить логически, а после всего испытываешь ни с чем не сравнимую эйфорию.

– Может, ты и прав, – пробормотала я, взяв леечку и наполнив водой. Надо, кстати, теперь отстаивать воду и добавлять всякие штучки, чтобы листики были красивые, а лепестки не усыхали. – Но к горшку это не относится.

Муррис только вздохнул, бросил взгляд в сторону Жужи и покачал головой.

– Дай Златовласая, чтобы я ошибался, но чувствует моё сердце, нас ждут очень весёлые времена.

В этот момент на подоконник что-то опустилось и сверкнуло изумрудным светом. Я кинулась к окну. Всё подождёт – Айварас прислал листик!

* * *

– Не пожила. Ох, не пожила. Мира не увидела, деревья не посадила, дом не построила, платьице своё, на Ярмарке Большого Дуба купленное, с золотистыми бабочками, не поносила – всю весну проходила в том своём коричневом убогом. Бедная я, бедная...

Айварас не выдержал и остановился:

– Ядвига, обязательно так причитать? Мы всего лишь идём на кладбище.

Так как он сделал это достаточно резко, я едва не врезалась в его широкую спину.

– Ай, можно не мешать моим страданиям? – проворчала я, потирая кончик носа. – Это для тебя обычное служебное дело, можно даже сказать, рутинное. А я – девушка трепетная и плохо переношу прогулку по кладбищу незадолго до полуночи.

– Трепетная? А кто мне раскокал голема кастрюлей для пельменей?

– Это было давно и неправда. Да и голем получился хлипковат.

Айварас мрачно покосился на меня. На его лице было написано большими буквами: «Конечно, если с таким размахом уничтожать всё, что попадает под руку, то никаких големов не хватит!»

Честно говоря, прогулки по кладбищу в ночное время в список моих любимых развлечений ну никак не входили. Я всё же предпочитаю более позитивные места. Но Айварас потащил меня сюда из-за необходимости. На самом деле, не сомневаюсь, что исключительно из-за вредности, но опустим этот момент.

Ночка выдалась достаточно прохладной – не чета солнечному дню. Мне даже пришлось накинуть на плечи легкий палантин. И как только некроманты добровольно выбирают себе занятие? Атмосферка тут – бр-р-р!

Хотя стоит признать, дорожки чистенькие, надгробия ровненькие, поминальные ёлочки в рядок стоят. Мягкой желтизной сияют светляковые фонарики, поставленные специально для тех, кто захочет прийти и почтить память усопших, кто уже шагнул в Потусторонь, взяв за руку белую проводницу.

Некроманту всегда легче работать на кладбище. Здесь именно та энергия, которая ему нужна. Ну и проще вызвать духов из другого мира. Айварас как-то пытался мне объяснить технические моменты, но я поняла, что безнадежно тупа в некромантской сфере, поэтому только кивала и соглашалась на всё.

Он, кстати, себя чувствовал прекрасно. Впрочем, неудивительно. Учился в академии, потом работал, снова работал и ещё раз работал. Неоднократно участвовал в защите города от налётов нечисти. Временами у нас случается такая гадость: то чёрный колдун пошалит, то любитель-некромант поднимет нежить, то ещё что... Весело живём, бодро, скучать не успеваем.

– Почему мы идём через кладбище? – всё же проворчала я, сильнее кутаясь в палантин. – Ведь нам всё равно надо выйти за его территорию.

– Потому что обходная дорога не подходит, – спокойно ответил Айварас, внимательно глядя вперёд. – Если мы обойдём, то я не почувствую нужные нотки для призыва.

– Тоже мне музыкант, – пробормотала я, но тут же прикусила язык, прекрасно понимая, что Айварас – профессионал, а мне такой как раз и требуется.

Ельняское кладбище было старым. Настолько старым, что даже не берусь судить, сколько поколений местных здесь захоронено. Тем не менее мы шли через относительно новый участок, поэтому здесь было не найти ни старинных склепов, ни скульптурных композиций, характерных для времён до заключения Янтарного Союза.

Проходя мимо некоторых могил, я приподнимала фонарь за фигурную ручку, чтобы прочесть фамилии и имена. Качала головой, вздыхала и следовала за Айварасом дальше. Временами Потусторонь зовёт к себе слишком молодых. И никто не знает, суждено ли им потом снова оказаться здесь.

– Что ты там пыхтишь? – не оборачиваясь, поинтересовался Айварас, отбросив на спину серебрищиеся в свете луны волосы.

– Изображаю ёжика. Вдруг мой будущий супруг любит ролевые игры.

Айварас бросил на меня любопытный взгляд:

– А что, есть кандидат?

– Кандидатов мешок и маленькая торбочка! – гордо заявила я и тут же уточнила: – Но не в мужья.

Он хмыкнул, правда, как-то беззлобно. Несмотря на наши постоянные дразги, в плане обзаведения семьёй мы имели схожие взгляды. То есть не строить её с кем попало. Однако других вариантов пока на горизонте не мелькало. Возле Айвараса постоянно вились влюблёнными птичками очаровательные панны, но он прекрасно понимал, что муж-некромант – испытание

не для слабонервных. Поэтому и девушка нужна такая, которая не будет падать в обморок при виде скелета в доме и не станет зеленеть при разговоре о покойниках и вскрытии захоронения.

Многие панны всё же видели в Айварасе красивую внешность и умеренно упругий кошелек. Для витя семейного гнезда с некромантом этого маловато.

Мы вышли на узкую тропинку, что вилась среди поредевших надгробий. Через несколько десятков шагов виднелась кладбищенская ограда.

– Отлично, идём, – сказал Айварас, ухватил меня за руку и потащил за собой, не дав пискнуть.

Надо ли говорить, что один его шаг – два моих? Там, где ему достаточно сделать одно движение, я скачу козочкой только ради того, чтобы меня не тащили на буксире.

– Айварас, подожди! Ай! Ай!

– Как любезно с твоей стороны придумать мне уменьшительно-ласкательное имя, – язвительно заметил он.

– Да чтоб ты в лужу ляпнулся, а корыта с чистой водой рядом не было!

– Я тоже тебя люблю, дорогая сестра.

В итоге мы всё же добрались до нужного места и я запоздало поняла, почему меня тащили именно сюда. На чёрном фоне земли белели остатки каменного алтаря, которому было ведомо сколько лет.

Айварас посмотрел на него, судя по всему, остался доволен увиденным и протянул мне руку.

– Ядвига, давай.

Я достала из привязанного к поясу футляра свёрнутый в трубочку договор. Айварас взял его и быстро развернул. При свете луны и светляковых шаров магическая подпись сверкнула всеми цветами радуги. Хорошая вещь, замечательная. Бумага составлена так, что её может расторгнуть только одна из сторон при взаимном согласии. Такие документы очень хорошо страхуют от всяких неожиданностей. Поэтому я была совершенно уверена в том, что лавку арендую законно. Главное, чтобы сам пан Орбас не подсунил мне фальшивое право собственности.

Я, конечно, не так много видела подобных бумаг, но вроде бы выглядело оно именно так, как надо. Форма была такая же, как у нашей с матушкой собственности на дом.

Айварас аккуратно разложил договор на камне, задумчиво провёл пальцем по каллиграфическим завиткам, чуть нахмурился. Я молча наблюдала, затаив дыхание. Очень хотелось сказать: «Ты мне только не перепорть всё! Я ж потом вовек не докажу, что лавка взята не самозахватом! А мне кормить себя и Мурриса, а ещё Сифе удобрения покупать! Хорошо хоть, что Жуже корма не надо! Но зато ей надо ленточки! Много ленточек! Ещё немного и перейдёт на бусинки, я же вижу, в каком направлении она лежит!

С пальцев Айвараса тем временем начали сбегать мертвенно-зелёные искорки – у всех некромантов магия такого цвета. Они вились, словно дым, сплетались друг с другом, становясь единым целым.

Откуда-то подул ветер, вспенив мою юбку. Я спешно опустила её – не хватало ещё светить на кладбище ножками. Здесь, как нигде, могут оценить «вид снизу». Мы все прекрасно знаем, что умершие уходят в Потусторонь и постоянно здесь не находятся. Но в то же время захоронение – это некая привязка к миру живых, поэтому душа в поминальные дни сюда возвращается. Либо же, не дожидаясь нужной даты, приходит на зов родственников или друзей.

Учитывая, что возле надгробий стояли аккуратные фонарики и сплетённые из веток елей венки, отошедших в Потусторонь не забывали. А значит, с душами разговаривали, и те тут крутились.

Кстати, когда Айварас рассказал, что будет делать, я немного напряглась. Мало ли... вдруг пан Орбас жив, здоров, благополучен, а мы его душу позовём через некроритуал?

Конечно, дать по шее за подарочек в виде пана Дудоли очень хочется, но вредить здоровью – никоим образом. Да, я ведьма, но не зараза же! Членовредительство – последнее дело!

Но меня тут же успокоили, что ритуал не несёт никаких побочных эффектов. Если вызываемый человек жив, то он просто ничего не почувствует. Показалось, что сказано это было немного с обидой. Мол, за кого ты принимаешь профессиональных некромантов, Ядвига? За фокусников с площади? Шарлатанов кочевых ромралов? У нас техника безопасности, между прочим, засвидетельствована самим королём!

Я сделала вид, что ничего такого не имела в виду. В околонекромантских науках я понимала чуть меньше, чем ничего, поэтому самое умное, что могла сделать, – это промолчать.

Глаза Айвараса вспыхнули зелёным огнем. С ветвей дерева, находящегося неподалёку, вспорхнули птицы, захлопав крыльями. Губы брата дрогнули в неслышном призыве. Ни единого слова не разобрать, но вмиг потянуло могильным холодом, а по позвоночнику пронеслась ледяная волна.

Я невольно отшатнулась, плотнее закуталась в палантин. Эти сквозняки до добра не доведут!

Договор вспыхнул зелёным магическим пламенем. Я охнула, но не сдвинулась больше с места. Для кого тут, в конце концов, стараются?

Кто-то завыл.

Воздух стал каким-то густым, дышать стало тяжелее. Поначалу захотелось бочком-бочком спрятаться за ближайшим надгробием, но я приказала себе не терять духа. Ведьма я или где?

– Тан Орбас, сын Гираса Орбаса и Альты Орбайте, явись, – глухо произнёс Айварас, сделав рукой сложный круговой жест.

Тут же налетел ветер, сбивая нас с ног. Я вцепилась в договор, Айварас вцепился в меня, резко оттянув от алтарного камня.

– Ядвига!

– Двадцать один год Ядвига! – огрызнулась я. – Это оригинал! Где я возьму ещё один? Мне второй такой ни один копировальщик не состряпает! И вообще это наказуемое законом дело!

Раздавшиеся аплодисменты заставили нас одновременно повернуть головы в сторону алтарного камня.

Я тихонько охнула и сжала руку Айвараса.

На остатках алтарного камня сидел... пан Орбас. Точно, он! И его сюртук, и брюки с узором по бокам, и волосы до плеч, делающие его похожим на поэта-песенника, коих у нас предостаточно на ярмарках и в праздничные дни.

Только вот кожа немного прозрачная, через всю фигуру моего дорогого арендодателя просвечивались деревья и очертания надгробий и сияли звёзды, усыпавшие небосвод.

– Доброго вечера, – с улыбкой помахал он скрученной в трубочку бумагой. – Простите, мы тут проводили поэтические вечера в Потусторони, так я прямо оттуда. Хотите, прочитаю?

– Нет! – хором ответили мы с Айварасом.

Ну вот что я говорила? Стихи! Понятия не имею, что там написано, но слушать совершенно не хочется. За паном Орбасом водится привычка оплести всё кружевом слов, закрутить-завертеть, а потом упорхнуть, как бабочка, оставив тебя в коконе, как гусеницу. Только вот в бабочку ты не превратишься, потому что вместо шёлковых нитей тебя обмотали лапшой для ушей.

– Ну, как знаете, – ни капли не обиделся он. – Чего звали?

– Как же вы... так? – только и смогла я выдохнуть.

Только сейчас дошло, что он всё же отправился с белой проводницей в Потусторонь. Пусть пан Орбас и немного чудака, но человек он добрый и сердечный. Осознание, что его больше нет, серьёзно опечалило. И дело было не только в лавке.

– Ну, Ядвига, знаешь, оно по-разному бывает, – пожал он плечами. – Шёл-шёл – умер. Я бы сказал, что время страшное, сапоги из окон вылетают и приземляются на затылок, но... это не повод расстраиваться, поверь. У меня с детства недуг сердца, поэтому я знал, что рано или поздно это случится. Тем не менее ни капли не жалею, что шагнул в Потусторонь. Потрясающе интересный мир. Хочешь, покажу?

– Кхм, – угрожающе начал Айварас.

Пан Орбас тут же выставил ладони вперёд:

– Понял-понял. Ты сама посмотришь. Потом. Если захочешь.

– Пан Орбас, – словно очнувшись, быстро отодвинув все эмоции по поводу жизни, смерти и прочих крайне занимательных событий. – Смотрите! – Я быстро развернула договор. – Лавка по закону моя?

– Конечно твоя, – даже удивился он. – Мы всё оформили. Ты платить не забывай только, это поддерживает магическую печать, и никто не вправе тебя оттуда подвинуть.

– Кому же идут деньги? – хмыкнул Айварас.

Пан Орбас нахмурился и начал загибать пальцы:

– Лайме, Илзе, Ютта, Орта, Дисса, Лутта, Грася, Айсе, Барборите... Много кому!

Я прицокнула языком:

– Да вы ходок.

– Всё по мере сил и возможностей, – шутливо поклонился он.

– Это прекрасно, но Ядвигу беспокоит некий пан Дудоля, – произнёс Айварас, явно понимая, что наш разговор может уйти совсем не в ту сторону. – И угрожает жалобами в магистрат и прочей прелестью.

Пан Орбас тут же нахмурился, потеряв шутовской вид. Задумчиво постучал свитком со стихами по ладони.

– Ах, жабий бялт! Так и знал, что он не успокоится! И ещё нашёл время приставать к девочке, когда я уехал... Совсем уехал.

С характеристикой я была целиком согласна, но вот вопрос, что делать, оставался открытым. И это неслабо напрягало.

– Он имеет какие-то законные претензии? – спросила я, готовясь услышать любой ответ.

Пан Орбас мотнул головой, от длинных волос отлетели крохотные светлячки. Ух ты, души могут их привлекать?

– Ничего не имеет. В своё время у нас были рядом участки. Так вышло, что он по-соседски попросил сделать оградку для своего можжевельника. Я не возражал, соседи же. Потом Дудоля укатил, а можжевельник рос, занимая всё больше места. Ну и ладно, мне не мешало. Но потом... когда я сдавал в аренду лавку, то прилежащую территорию отдать не смог – Дудоля заявил на неё права. Мол, можжевельник мой – земля тоже моя.

Я ахнула:

– Вот жабий бялт!

– Я бы сказал чего покрепче, – пробормотал Айварас.

Он тоже понимал, как оборачивается ситуация. Очень нехорошо оборачивается.

– А теперь он и на лавку замахнулся! – Пан Орбас нахмурился. – Дела-а-а... А я отсюда не могу ничего сделать, на судебное заседание в Потусторони не отпросишься.

– Получается, все вопросы теперь ложатся на мои плечи? – спросила я, быстро соображая, что можно сделать.

– В магистрате сторону Дудоли не примут, – сказал пан Орбас. – У тебя договор, Ядвига. К тому же ты постоянно там находишься, а Дудолю как ветром надуёт, так он и прискакивает.

В общем-то, я была целиком согласна с этими словами. Пан Дудоля и правда сваливался крайне внезапно, орал, топал ножками и потом укатывался в неизвестном направлении. В последний раз ему в этом активно помогла Жужа.

Пан Орбас неожиданно начал растворяться в воздухе.

– Ох, простите, меня зовут назад. Заскучали пить чай без стихов. Не вешай нос, Ядвига, правда за тобой! – успел он крикнуть, прежде чем вовсе исчезнуть.

– Пан Орбас! – звонко крикнула я, кинувшись к нему, но Айварас ухватил меня за рукав.

– Стой, это бесполезно. Если Потусторонь утягивает душу, значит, отведённое время закончилось. И в это место лучше не соваться.

Я шумно выдохнула, обхватив себя руками за плечи, – начинало основательно холодать, вот тебе и лето!

– Но он ничего толком не сказал!

– Сказал, – спокойно ответил Айварас. – Главное, мы теперь знаем, что Дудоля не имеет никаких прав на лавку.

– А если он предъявит документы? – мрачно уточнила я.

– Думаешь, так быстро организует подделку? – хмыкнул он. – Тогда перед ним стоит снять шляпу. Но не переживай, у меня есть друзья в следовательском отделе. – Айварас приобнял меня за плечи и развернул, давая понять, что пора уходить с кладбища. – Мы его выведем на чистую воду, клянусь скелетом, стоящим у меня в гостинной.

– Ну... если скелетом, – пробормотала я, шагая рядом с братом, – то это, конечно, серьёзно.

– Ещё как.

– Я тебя тогда в благодарность познакомлю с Сифочкой.

Айварас аж остановился:

– С кем?

Глава 5. Картина Грепинса «Не ждали»

Однако как я ни расписывала достоинства фейской мухоловки – зелень её листочков, нежность розовых лепестков и мягкость пушистых иголочек, – смотреть мою красавицу Айварас отказался.

Глянул в окно, изогнул брови, пихнул меня в лавку и быстро-быстро засеменил по дорожке, аргументировав, что у него дома много дел. Да и вообще магический уют не выключен.

Я только вздохнула и покачала головой. Мелкий мужик пошёл, мелкий. Девушка приобрела цветочек, а они уже делают ноги за Дзинтарово море. Вот и как жить?

– Знаешь, оно к лучшему, – заявил Муррис, обвив мою ногу хвостом. – Я беру свои мысли и слова обратно, Сифочка – очень ценное приобретение. Оберег от нерадивых мужиков.

– А радивых? – уточнила я, сложив руки на груди и глядя на звёздное небо.

– Когда таких встретим – узнаем, – мудро заметил Муррис.

Подумав, что кот абсолютно прав, я только шумно выдохнула и пошла в лавку. Надо хоть немного поспать, потому что завтра клиенты пойдут с самого утра. Поэтому надо быть в тонусе, чтобы случайно вместо пузырька с энергетическим зельем не выдать слабительное. Эффект бодрости одинаковый, но не все одобряют процесс.

Спала я спокойно, даже, можно сказать, хорошо. Дела завертелись так, что я только через три дня спохватилась: горшок! Мне же сегодня идти к Раудисам!

Полив Сифочку водой с укрепляющим зельем, покормив Мурриса и протерев Жужу, я кинулась приводить в порядок себя. В целом я всегда прилично выгляжу, но каждая встреча с Линасом Раудисом заставляет нервничать и думать, не решили ли блузка и юбка поменяться местами?

Мысли были совершенно дурацкими, но я ничего не могла с собой поделать. Просто есть такой тип людей, рядом с которыми не знаешь, как себя вести. А когда не знаешь, как себя вести, то частенько ведёшь себя как идиотка.

Раньше Муррис хихикал над этим, но потом проникся и начал давать толковые советы. В этот раз он тоже, оставив завтрак, бодро поскакал за мной.

– Ядвига, что там у тебя? Опять думаешь, в какие доспехи упаковаться, чтобы выдержать стрелы слов Линаса Раудиса?

– Какой ты сегодня поэтичный, – проворчала я, доставая коричневое рабочее платье без всяких украшений. Хотя вот потёртости могут за них сойти. – Мне надо будет нести горшок и немного овощей. На сегодня бал отменяется.

Муррис задумчиво посмотрел на платье, потом кивнул:

– Ты права. Это не королевский бал, нечего наряжаться, как птица счастья.

– От такого счастья, как я, некоторых знатно перекашивает, – мечтательно протянула я, представив лицо Линаса.

После чего быстро переделась, закрутила косу бараночкой и, подхватив сумку, оставила на хозяйстве Мурриса и девочек. Надо будет, кстати, выгулять Жужу, а то давно я никуда не летала. Но тут кругом ни одного интересного шабаша. У нас в Латрии с этим вообще напряжёнка. Вот матушка всегда, затаив дыхание, рассказывала, как они с моей бабулей летали на шабашах на Лысую гору в соседнее с Польхой государство Украну. Вот там всегда было ух!

Я вздохнула. Ну ничего, какие мои годы, я ещё на всех шабашах побываю! Ведьма я или где?

Сегодня Златовласая надо мной сжалась, и в мастерской меня встретил средний Раудис. Выдал горшок, принял деньги, сказал приятные слова и пожелал хорошего дня. Отец у Линаса, как и дед, очень приятный мужчина.

Горшок оказался чудесным. Глядя на него, я даже позабыла, что его творец – редкостная язва. Плавные формы, чуть шероховатая на ощупь поверхность, к которой хотелось приложить ладони и задержать подольше; аккуратный узор на бочках горшка, сияющий золотом. И крышечка с маленькой удобной ручкой в виде птички.

Линас, конечно, зараза, но мастер просто золотые руки.

Его отец с едва заметной улыбкой наблюдал за мной.

– Нравится?

– Нравится, – выдохнула я, проведя пальцами по ободку.

– Пусть же зелья в нём удаются на славу, – пожелал Раудис. – Заговорит он после первой варки. Сейчас ещё рано. Если же что-то вызовет вопросы, то приходи к нам. Поможем.

– Спасибо, пан Раудис, – улыбнулась я, прижав горшок к себе двумя руками и уважительно поклонившись.

Выходила из мастерской в приподнятом настроении, не в силах стереть улыбку с губ. Пусть смотрят – не беда! Зато теперь чего только не смогу! Я такого смогу наварить, уху-уху! Ко мне будут ездить пани и паны из самой столицы!

Закупившись по пути овощами, я даже подумала взять извозчика, но решила обойтись. Немного плечо оттягивает, но ничего, переживу.

Горшок я так и прижимала к себе, он был такой тёплый, полный созидательной магии, что не хотелось расставаться. Тем временем солнышко значительно припекало, тонкие прядки волос то и дело норовили прилипнуть ко лбу.

Я упрямо пытала и шагала по тропинке к лавке, мечтая о прохладном душе.

– Ничего, теперь мы заживём, – обещала я горшку. – Сможем куда больше. Тебе понравится у нас: тепло, сухо, котик, цветочек, веничек красивый. Все очень общительные.

О, а вот и лавка!

Я уже приблизилась, как вдруг поняла, что что-то не так. А именно... входная дверь настежь открыта. И возле неё стоят чемоданы, котомки и сундук.

О Златовласая! Неужто пан Дудоля решил действовать внахалку?

Ну, я ему сейчас! Получит и будет знать, как тянуть загибающие лапы к собственности хрупкой нежной девушки!

Я ускорила шаг, практически влетая в дверной проем, и с размаху врезалась в широкую грудь.

Хорошо, что между нами был горшок. Он принял на себя весь удар и недовольно загудел. А я устояла на мускулистую грудь в вырезе белоснежной рубашки, от которой исходил еле ощутимый аромат ландышей.

«Вещь выстирана в прачечной пани Праски, только она в столице заказывает отдушку с таким ароматом», – услужливо подсказала память. И тут же любезно подкинула цифру стоимости таких услуг. Нехилая стоимость, скажу я вам.

Я бы так и не знала, просто подрабатывала у неё в студенческую юность, и пани сама хвалилась, что получила лицензию на аромат ландыша при стирке.

Само по себе очень странное начинание, но каждый человек имеет право на маленькую... своеобразность.

Я подняла взгляд выше и встретила с тёмно-карими, будто чёрный шоколад, глазами. Во рту даже появилась горьковатая сладость, язык немного защипало. Высокий лоб, прямой нос, резковатые скулы, ни капли не портящие облика, красивые губы. И длинные волосы, лежащие на плечах. По цвету не сразу поймёшь, то ли тёмно-русые с пепельным оттенком, то ли светло-каштановые со стальным отливом... Разворот широких плеч, натянувшаяся тонкая ткань рубашки на руке, которой он придерживал меня, не давая завалиться назад.

Осознав, что смотрю на незнакомца непозволительно долго, я отпрянула, прижав горшок к себе крепче.

– Вы кто? – спросила как можно воинственнее.

На меня посмотрели с лёгкой иронией и мягким недоумением. Видимо, пытаюсь понять, что это тут такое нарисовалось и ещё пищит. В чём-то логика была, ведь незнакомцу я едва достигала плеча, поэтому смотреть на него приходилось, задрав голову. Впрочем, это не помешало отметить ни его кожаный пояс с кинжалом, ни дорогие брюки, ни обувь, явно приобретенную не в Ельнясе, а, скорее всего, на Янтарной Ярмарке в Эсте, когда съезжаются не только из наших стран, но прибывают купцы с востока, севера и юга.

– Могу задать тот же вопрос, – ни капли не смутился он.

Голос такой... чарующий, низкий, с лёгкой мурлычащей вибрацией. Сказал всего несколько слов, а у меня по телу словно молния пронеслась. Терпеть не могу этого! Мозги мгновенно начинают дружить с гормонами, которым, как известно, здравый смысл – не указ.

– Кто вы и почему так вламываетесь в мою лавку?

– В какую вашу?!

Возмущение вытолкнуло всю способность мыслить трезво. Нет, ну это вообще ни в какие рамки!

Проделки пана Дудоли? Решил меня выжить, подослав какого-то красавца? А как же жалобы в магистрат? Или это подлая месть за метлу? Ну я тебе устрою, будешь знать, как бедную несчастную ведьму пытаться выставить за порог!

Ну натурально картина пана Грепинса «Не ждали»!

– Никакая она не ваша, – произнесла я, размышляя, что будет, если кинуть в нахала горшком. – У меня всё по закону, плачу в начале месяца вперёд, поэтому вы не можете мне что-то предъявить. Арендодатель подтвердил, что у меня есть все права!

– Арендодатель? – уточнил он тихо, но я тут же захлопнула рот.

Таким тоном разговаривают следователи из управления, когда дают понять преступнику, что его дни сочтены.

И не надо на меня так смотреть, я ничего плохого не сделала... пока.

– Да, – твёрдо ответила, пытаюсь прикинуть, на чём тут меня можно подловить.

– То есть вас совершенно не смущает, что пан две недели назад был захоронен и отбыл в Потусторонь? – вкрадчиво поинтересовался мой собеседник.

«Ну и что?» – чуть не брякнула я и тут же прикусила язык.

Не у всех сводный брат – профессиональный некромант. Аргументировать тем, что мы вчера беседовали с паном Орбасом на кладбище, не стоит. Не все такое одобряют. В тюрьму, конечно, не посадят, но Айварасу может влететь за злоупотребление служебным положением.

Но...

– А вас? – упёрлась я, решив, что ни за что не отступлю.

– А меня не должно это смущать, – любезно ответил он, складывая руки на груди, отчего ткань натянулась ещё сильнее, всю выставя напоказ очень недурственную физическую форму.

– Это почему же? – прищурилась я, прикидывая, куда буду писать жалобу на самоуправство.

Теперь точно буду, не уйдут от меня!

Ну давай, расскажи мне, как тебя подкупил пан Дудоля и прислал для устрашения слабой девушки. Я...

– Потому что я – родной племянник Илмар Орбас, и эта лавка отошла мне по завещанию. Я едва не выронила горшок из рук.

– Как-к-кой племянник? – переспросила глупо, понимая, что не могу состыковать услышанное... вообще ни с чем.

– Родной, – с готовностью повторил Илмар. – А вы, видимо, та самая особа, которая временно использовала лавку в своих целях. Буду искренне признателен, если вы соберёте свои вещи и покинете это место.

С этими словами он развернулся и направился внутрь.

Нет, вы видели? Это совсем никуда не годится!

– Ничего я не использовала! – возмущённо крикнула я и шагнула следом. – Я уже всё сказала. То, что вы племянник, не даёт вам права так вести себя!

Оказавшись внутри, я только охнула, потому что мои полки с пузырьками зелий уже были пустыми. Тумбочка под ними переставлена, сундук открыт. И вообще по помещению снуют четыре барздука, ловко перетаскивая стол.

– Господарь, ставим тут у окошка? – поинтересовался один из них. – Возле сорнячка?

Оскорблённая до корней Сифиздилла заехала ему листом по макушке. Бардзук подпрыгнул от неожиданности и замотал головой.

Я хмыкнула. Так тебе и надо, нечего языком молотить что попало.

Бардзуки в целом приятные ребята. Ростом обычно до пояса обычному человеку, живут между корней деревьев, обладают огромной силищей и любовью к сокровищам. Готовы всю жизнь собирать их и сидеть на сундуке, оберегая от врагов и не только.

Не зря у нас даже говорят: «Как бардзук на кладе». При этом они всегда не против заработать, поэтому охотно берутся за охрану домов, перенос тяжестей и строительство. То, что человек будет приподнимать при помощи магии или каких-то устройств, бардзук перетащит без особых усилий. Раньше, когда люди не знали, как с ними общаться, то оставляли хлеб и молоко у корней деревьев. Продукты исправно исчезали, пока в один прекрасный день не обнаружилась записочка: «Предоставлю услуги по кладке стен за умеренную плату».

– Ничего не ставим! – ледяным голосом сказала я. – Выносите стол.

Бардзуки озадаченно посмотрели на Илмара:

– Господарь, это ваша господарочка пришла?

– Это не моя «господарочка», – фыркнул он. – Ставьте у окна.

– Никакого «у окна»! Он закроет проход к печи. Как мне, по-вашему, туда пробираться?

– Лезть по столу? – осторожно предложил бардзук.

– Никак, панночка, – начиная раздражаться, ответил Илмар. – Вас здесь не будет.

– Я вам не «панночка», а панна Торба, – отрезала я, давая понять, что не позволю разговаривать в таком тоне.

Ещё бы «деточкой» назвал! Кстати, по виду он возраста Айвараса, не старше. А как с такими иметь дело, я уже прекрасно знаю.

Илмар задумчиво посмотрел на меня, словно представил прямо на этом столе. Правда, так и не определился: я была у казанка для магических зелий или всё же в казанке.

Я же поставила горшок на прилавок, подошла к Сифочке, погладила её по листочкам, заодно просматривая территорию. Куда делся Муррис? Как он нужен, так ветром сдуло!

Подняв глаза, увидела чёрный хвост, свисавший вдоль сушняка, привязанного к потолочным балкам. Муррис тут же поменял положение, глянул на меня и разве что не приложил коготь к морде, мол, тихо.

Логично. Не стоит показывать, что у меня тут есть шустрый фамильяр, который и ловко добудет нужную информацию, и сумеет организовать побег, и врагу как следует вломит.

Так, хорошо, с одним разобрались. Теперь где Жужа? Почему она бездействует, когда тут такое?

Была слабая надежда, что она убирает дорожки у дома. Когда на Жужу нападает вдохновение, то не остановить. Я однажды сама удирала от неё, когда случайно бросила не туда испорченную этикетку. Смех и только... Кому сказать: ведьма бежит от собственной метлы!

– Господарь, так мы того... в смысле, не того... Куда мебель вашу ставить?

– Мебель, – поправила я.

– Так я и говорю, мебель!

Судя по виду Илмара, это было далеко не первое слово, над которым бардзуки поиздевались. Они каким-то волшебным образом умудрялись коверкать всё, что слышат.

– Оставьте.

– Так господарочка ваша...

От взгляда тёмно-карих глаз, обещавшего ему все кары небесные, бардзук тут же заткнулся и выскочил на улицу.

– Берём сундук! – прокричал он.

– Панна Торба... – начал Илмар, явно с трудом сдерживаясь, чтобы не сказать ничего такого, чего не стоит слышать приличной девушке.

– Уже двадцать один год как панна Торба, – отозвалась я медовым голосом, внимательно осматривая стол.

Массивная столешница, отполированная поверхность, состоящая из множества квадратов, возле углов – выемки, отделанные жёлтым металлом. Выемки соединены между собой тоненькими тоннелями. Обычно такими пользуются ремесленники, алхимики или артефакторы. Стол – этакая палитра, где можно развести нужные ингредиенты, добавить сверху нужное зелье, и они сами соединятся. Обычно к таким вещам приделывали маленький механизм, который регулировал наклон полотна столешницы. Каждый квадратик мог наклоняться под нужным углом.

Где-то внизу моего живота запорхали бабочки, делая крылышками: «Бяк-бяк, Ядвига, представляешь, какие мази у нас, бяк, получатся? Бяк-бяк, сколько мы, бяк, сможем заработать, бяк-бяк!»

Я вдохновенно задумалась. А уж сколько бяк можно сделать нехорошим людям! Например, пану Дудоле! Достаточно всего раз мазнуть по носу гелем для появления пупырчатости.

Я тут же одёрнула себя. Мечтаю о плохих вещах. Вредить надо с умом, превращать в жабу – тоже (даже если очень хочется). Кто-то говорил, что бабочки в животе обычно порхают, когда видишь красивого мужчину. Тогда и сердце стучит, и кровь бежит быстрее, и мысли путаются. Последнее, допустим, у меня от мужчин не зависит, а в остальном...

Я нежно погладила стол. Кто знает, дорогой, может, ты – моя судьба? Знаешь, сколько всего мы сможем сделать вместе?

В какой-то момент поняла, что Илмар разговаривает с бардзуком, но внимательно смотрит на меня. Пытается понять, почему я резко умолкла? Ага, взгляд направлен на мою руку.

На всякий случай я быстро убрала её подальше. Нечего на меня так зыркать: не вцепилась же в него и не пытаюсь его сунуть в карман – уже достижение.

Бардзук топтался на месте, явно не зная, что делать дальше. Ему с компанией платили за перенос вещей, но никак не за драку с ведьмой. Решив, что драка откладывается, я подошла к ним, улыбнулась бардзуку и положила руку на плечо Илмара. Его веко дёрнулось, однако, слава Златовласой, меня не попытались бросить на пол отработанным приёмом.

– Заносите, – сказала я. – Только осторожнее и не заграждайте проход к Сифочке, она девушка впечатлительная.

– Но... – осторожно начал бардзук, покосившись на «впечатлительную девушку».

– Милые бранятся – только тешатся, – проворковала я, бросив на Илмара влюблённый взгляд.

Учитывая, что его перекосило, эффект получился нужный. Отличный. Следовало отдать ему должное: вырваться не пытался, скорее, с любопытством ждал, когда я отойду первой. А я отходить не собиралась! Так и стояла, изображая само очарование, пока втянули все вещи.

– Чего вы добиваетесь, панна Торба? – одними губами спросил Илмар, наблюдая за бардзуками.

– Узнаете, пан Орбас, – ответила я, не меняя позы и выражения лица. – Вы всё узнаете.

* * *

– Это катастрофа, – застонала я, уронив голову на руки.

Вокруг кипела вечерняя жизнь Ельняса, за столами сидели горожане и шумно обсуждали прошедший день. Подавальщики сустились, прекрасные панны улыбались своим мужчинам, старичок с окладистой бородой смаковал светлое нефилтрованное и, довольно щурясь, смотрел на разноцветные флажки и ленточки, тянувшиеся от крыши таверны.

– Катастрофа – это когда нельзя что-то предотвратить, Ядвига. А это так – временные неприятности.

– Пан Криш, вы, конечно, очень мудры и опытни, но, по-моему, вы значительно преуменьшаете проблему.

– Какого роста проблема? – невозмутимо уточнил он.

– Выше меня на целую голову. Мне надо стульчик брать, чтобы прямо посмотреть в эти наглые глаза.

– Ваш заказ, – донёсся звонкий голосок подавальщицы, и на стол опустилась тарелка с ароматной рыбой в остром кляре, хрустящие булочки с чесночным соусом, луковые кольца в сырной стружке и запотевшая кружка лучшего в мире «Латрийского светлого».

– Ешь, – сказал пан Криш. – Пустой желудок и голову пустой делает.

Я вздохнула и взяла вилку в руки.

Да, так и есть. Обычно у девушек есть подружки, чтобы обсудить любой вопрос, а у меня – пан Криш Бериныш. Очень умный и проницательный человек, восхитительный мастер по дереву, любитель пива и... мой сосед. Да-да, тот самый, плюшками для которого пенял мне Айварас.

Пан Криш жил один, дети переехали в Лиритву – сын женился на девушке из рода кружевниц, у неё там было своё дело. Так и перебрались туда с детьми. Не раз звали и деда, но он отнекивался, мотивируя тем, что здесь ему привычнее, да и заказчики все тут. Как станет совсем слаб, тогда сам приедет.

Подождав, пока я прожую, он посмотрел на меня поверх очков.

– Ну, излагай уже. А то я извёлся.

Я хихикнула:

– Вы говорите, как юная девица.

– Может быть, я и есть девица? – хмыкнул пан Криш. – Ну где-то... глубоко в душе?

Осталось только фыркнуть, а потом, вздохнув, начать рассказывать:

– Илмар Орбас – племянник пана Орбаса. Приехал сюда, чтобы осмотреть наследство и некоторое время провести здесь. Пока не знает, что с этим делать.

Пан Криш задумчиво пригладил бороду.

– Так-так, замечательно. И что, завещание есть?

– Есть, – уныло сказала я, глядя на янтарно-жёлтое пиво в резной кружке. – Он показал, там всё в порядке.

– Но и у тебя договор есть. Значит, ты тоже не бесправная.

– Всё равно надо идти в магистрат, – вздохнула я. – И, скорее всего, спор решат в его пользу. Платёж мой не пройдёт вовремя по срокам – и до свидания.

– У тебя проблемы с деньгами? – нахмурился пан Криш.

Я мотнула головой.

– Нет. Но разве вы не знаете, как это делается? Договорится с кем надо – и всё.

– С чего ты решила, что такое будет?

На лице пана Криша отразилось искреннее недоумение.

Кусочек рыбы сорвался с вилки, плюхнувшись в тарелку, я упрямо подцепила его снова. Добыча не уйдёт.

– Этот Илмар – королевский артефактор. Понимаете, пан Криш? Им же везде дорога открыта. Панночки в Зелёном банке при виде таких начинают томно вздыхать, расстегивать пуговицы на блузках, обнажая бюсты...

– Плавятся, как воск, того и гляди закапают на пол?

– Верно, – буркнула я, делая глоток.

Лёгкая горчинка в «Латрийском светлом» делает вкус особенным, бархатно-освежающим. Именно за неё напиток постоянно берёт призы не только в Янтарном Союзе, но и в западных землях Нойчланда, знаменитых своими пивными фестивалями.

Некоторое время мы молчали. Я заканчивала с рыбой, а пан Криш – с лепёшками с луком и яйцом. Несмотря на ситуацию, настроение немного приподнялось – нужно было с кем-то обсудить свои проблемы.

– По-моему, ты рано паникуешь, – наконец-то произнёс пан Криш, откидываясь на спинку деревянного стула и складывая руки на животе.

Сейчас он был похож на рассеявшегося на солнышке Мурриса. Тот так же умиротворённо щурится и выглядит вполне довольным жизнью. Жалко, что у меня сейчас так точно не получится.

– Не хочу паниковать, когда будет слишком поздно.

Он хмыкнул:

– Если по-нормальному договориться с ним не получится, то пойдём другим путём.

Я не донесла кружку до рта:

– Каким это?

Пан Криш склонился ко мне и зашептал на ухо.

Глава 6. Дела артефакторские

Утро началось рано. То есть даже как обычно, потому что Илмар Орбас ещё вчера уехал в столицу по вызову управления следователей.

Я сидела у окна за тем самым столом, о котором вчера было столько разговоров, и пила. Пила много и отчаянно, потому что пить мало кофе я не умею в принципе. После малой дозы мне хочется закрыть глаза, положить голову на руки и сладенько засопеть. И на этом весь рабочий день закончится.

Но мне сегодня предстоит варить зелья для салона пани Субачис – она делает восхитительные духи, за которыми выстраивается вся женская часть населения Ельняса. Поэтому надо быть в форме.

Я энергично размешала кофе резной ложечкой, усыпанной разноцветными камушками, – урвала тоже на ярмарке у купцов с юга.

– Ядвига, ещё сильнее, и ты разобьёшь чашку, – заметил Муррис и запрыгнул на стол. – Держи себя в руках.

– Предатель, – припечатала я. – Сразу сбежал, стоило явиться этому артефактору.

– Не сбежал, а совершил тактическое отступление, – не смутился Муррис и сунул нос мне в чашку. – Что я мог сделать при виде королевского артефактора и четырёх бардзуков бандитской наружности?

– Какие мы нежные, – фыркнула я, отодвигая кота и делая глоток.

Толком поговорить с Илмаром не удалось. Это одновременно радовало и в то же время напрягало. Потому что разговаривать всё равно придётся, просто у нас сейчас этакая отсрочка. Думать об этом совершенно не хочется, но мысли упорно возвращаются к Орбасу-старшему, который умолчал о наличии племянника, к самому племяннику и к себе несчастной. Только нос достала – хвост увяз. А ещё... пан Криш подсказал очень интересный вариант решения проблемы, но я пока не готова на такое.

– Ядвига, с тобой всё в порядке? – осторожно уточнил Муррис.

– Да, а что?

– Выражение лица больно кровожадно, – признался он.

Я фыркнула. Обычное дело с утра пораньше. В это время со мной лучше не связываться. Ничего не имею против этого времени суток, рассвет прекрасен и всё такое, но вот вставать и что-то делать... Нормальные ведьмы делают свои ведьмовские дела ночью! И как бы меня ни пытались переубедить, что на рассвете можно изготовить эликсир всей своей жизни, вовек не поверю!

– Кстати, ты вчера сама ушла, – попенял мне Муррис. – А я хотел обговорить дальнейший план действий. – Он выразительно покосился на вещи Илмара, стоявшие у стены. – Места для двоих тут маловато.

– Спасибо, дорогой, что сказал об этом, – проворчала я, глядя на опустевшее дно кружки. Надо сварить ещё, ибо бодрость ко мне так и не подобралась, а могла бы!

Муррис сел и обвил себя хвостом.

– Ядвига, я серьёзно. Ведьма ты или где?

– Я ведьма, прекрасно помнящая, что намеренное вредительство с целью вытеснения лиц с территории, имеющих на оную все права, карается Уголовным кодексом Латрии.

Муррис фыркнул:

– Ты тоже имеешь. К тому же никто не говорит про вредительство – это очень грубая работа. Надо действовать изящно, с женской изобретательностью и затейливостью. Легко, воздушно, с тонкими намёками.

– Предлагаешь подарить ему кружевное бельё? – мрачно уточнила я.

Муррис вытарашил глаза, потеряв дар речи. Но потом откашлялся и выдал:

– Ядвига, мы понятия не имеем, какие у него вкусы. Поэтому кто знает...

Я закатила глаза и встала. Хватит предаваться философии и желанию страдать, пора работать. И так уже два пирожка с капустой умяла, довольно.

Быстренько разобравшись с посудой, я протёрла стол, невольно отметила, что его делал настоящий мастер. Интересно, что у Илмара есть ещё? У артефакторов всегда полно всяких штучек, на которые остальные смотрят, попискивая от восторга. Жаль, что всё это стоит приличных денег, не каждый себе позволит. И это не претензия, их работа действительно требует опыта и внимания, но... всегда хочется позволить себе немного больше, чем можешь.

Муррис проследил за моими действиями.

– Слушай, может, сварить приворотное? Он влюбится в тебя по уши, поженитесь, часть имущества перейдёт тебе. А мы уж постараемся, чтобы там были все благословенные Ловко-руким вещицы для изготовления товара.

– Намеренное опаивание приворотным зельем лица, состоящего на государственной службе, с целью получения личной выгоды...

– Карается Уголовным кодексом Латрии, – фыркнул Муррис. – Понял-понял, твой дух авантюризма где-то громко храпит и не желает помогать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.